

ЗАПИСКИ МИХАИЛА ИВАНОВИЧА ПУЩИНА *).

Черезъ нѣсколько дней по прїѣздѣ моемъ въ Тифлисъ Паскевичъ призвалъ меня и поручилъ мнѣ занять батальонъ полевыми практическими работами. Батальонъ до того времени занимался одною постройкою домовъ въ Тифлисѣ. Я составилъ проэктъ занятій, который долженъ былъ быть утвержденъ начальникомъ инженеровъ генераломъ Хотяевымъ. Проэктъ возвращенъ отъ него со слѣдующей надписью: апробую. Начинать практическія работы я долженъ былъ съ азбуки, училъ пионеровъ вязать фашины, плести туры; помощникомъ мнѣ былъ одинъ Богдановичъ, который съ охотою раздѣлялъ со мною труды мои. Прочіе офицеры ничѣмъ не занимались, иные по лѣности, а другіе по незнанію дѣла. Недавно изданное наставленіе для саперныхъ инженерныхъ офицеровъ мнѣ было чрезвычайно полезно и служило хорошимъ наставленіемъ моею тогдашней малою опытности.

Практическія занятія начались постройкою моста съ довольно сильными профилями, затѣмъ слѣдовали свайныя работы, начиная съ первой паралели. Изъ третьей паралели заложены были мины для взрыва моста. Работы мои часто посѣщались Ермоловымъ, Паскевичемъ и прїѣхавшимъ въ то время изъ Петербурга Дибичемъ; никогда Ермоловъ не прїѣзжалъ вмѣстѣ съ Паскевичемъ, но часто вмѣстѣ съ Дибичемъ, который прїѣзжалъ иногда съ Паскевичемъ. Всѣ они, осматривая мои работы, сулили мнѣ скорое отъ Государя прощеніе. Дибичъ говорилъ, что вѣроятно еще до начала кампаніи мнѣ будутъ возвращены мои

¹⁾ См. выше стр. 410. Изъ этой второй половины Записокъ М. И. Пущина сдѣлано было извлеченіе. Декабристомъ барономъ Розеномъ и съ большими перемѣнами и пропусками помѣщено въ „Русской Старинѣ“ 1884 года. Здѣсь Записки печатаются въ полномъ ихъ видѣ. П. Б.

чины. Наступилъ день для вѣнца моихъ работъ, день взрыва мины. На такое невиданное въ Тифлисѣ зрѣлище съѣхалось и собралось множество любопытныхъ. Мина рассчитана была правильно, взрывъ былъ самый вѣрный. Паскевичъ былъ въ восхищеніи, публично благодарилъ одного меня, солдата, уже порядочно трудами измученнаго (въ одно и тоже время я занимался устройствомъ моста на курдюкахъ черезъ Куру: мостъ этотъ удался, впоследствии былъ наведенъ для перехода черезъ Араксъ въ виду непріятеля, выжидавшаго насъ на другомъ берегу).

Занятія по образованію практическому піонеровъ прекратились съ назначеніемъ меня въ авангардъ съ 70 піонерами подъ моимъ начальствомъ, подъ команду Константина Бенкендорфа (тогда исполнился пророческій сонъ въ Сибири).

Выступавшій авангардъ провожали Дибичъ и Паскевичъ. Въ полной солдатской формѣ, съ мѣшкомъ булокъ на ранцѣ, я стоялъ на правомъ флангѣ со своими піонерами. Дибичъ, прощаясь, совѣтовалъ мнѣ не утомлять себя, беречься, потому что недалеко то время, когда я своею опытностью и знаніемъ могу принести большую пользу отечеству и Государю, который всегда готовъ перемѣнить гнѣвъ на милость и ожидаетъ только на то случая. Паскевичъ сказалъ: „Прощай, скоро увидимся“.

Съ Бенкендорфомъ я познакомился за нѣсколько дней до выступления въ походъ, когда пришелъ къ нему явиться и получить его приказанія; онъ далъ изъ экстраординарной суммы тысячу рублей асс. на устрой артели моихъ піонеровъ, отпущенныхъ изъ батальона безъ гроша. Я купилъ повозку и пару лошадей для перевозки солдатскихъ вещей, котловъ и артельного хозяйства. Выступили мы на пятой недѣлѣ поста; на горахъ, черезъ которыя мы должны были проходить, лежалъ еще глубокій снѣгъ. Походъ былъ очень трудный и медленный. Въ Свѣтлый праздникъ мы ночевали на верху высокой горы Беобдала: памятенъ мнѣ этотъ ночлегъ. Палатки наши не успѣли къ намъ; у разведенныхъ огней, согрѣвши одну часть тѣла, нужно было повернуться, чтобы согрѣть другую часть, озябшую отъ сильнаго мороза. Въ полночь всѣ солдаты встали, пропѣли: Христосъ Воскресе, со мною и другъ съ другомъ похристосовались, и одинъ изъ нихъ, женатый, поднесъ мнѣ пшеничную домашнюю булку съ запеченнымъ въ нее краснымъ яйцомъ. Никогда яйцо не было мнѣ такъ пріятно, какъ это, которое солдатъ несъ въ ранцѣ черезъ горы въ трудные наши переходы для того только, чтобы имѣть удовольствіе имъ со мною похристосоваться. Походъ нашъ былъ хотя медленный, но за то самый благополучный: ни одного человѣка не было въ отсталыхъ, и въ Эчміадзинѣ мы прибыли благополучно. Армянскій монастырь этотъ очень древній,

основанъ въ третьемъ столѣтїи и служить мѣстопробываніемъ Армянскаго патріарха Нарцеса. Въ авангардѣ находился докторъ Мартиненго, который долго жилъ на Востокѣ и встрѣчался съ чумою и всѣми болѣзнями Востока. Мартиненго нѣкоторое время жилъ въ Петербургѣ, знакомъ былъ съ моею сестрою Бароцци еще съ Одессы. Онъ былъ друженъ съ патріархомъ, которому меня представилъ въ Эчміадзинѣ. Нарцесъ во все время пребыванія моего въ Эчміадзинѣ былъ очень ко мнѣ привѣтливъ и присылалъ мнѣ всевозможные припасы. Когда мы перешли къ Эривани, то и тогда Нарцесъ обо мнѣ не забывалъ, посылалъ мнѣ туда цѣлые караваны съѣстныхъ продуктовъ, которыми я дѣлился съ друзьями.

Первая встрѣча съ непріателемъ была около Эчміадзинскаго монастыря. Куртинская конница пыталась напасть на насъ въ слѣдованїи нашемъ въ Эривань. Послѣ этой стычки я добылъ себѣ у казака за червонецъ Куртинскаго жеребца, отбитаго у непріателя, назвалъ его Куртинцемъ, и онъ мнѣ вѣрою и правдою служилъ всю Персидскую кампанію.

Цѣль движенія авангарда была блокировка Эривани настолько, чтобы затруднить непріателю подвозку продовольствія и подходъ вспомогательныхъ отрядовъ до прибытія Паскевича съ осаднымъ корпусомъ. Стоя около Эривани лагеремъ, мы предпринимали частыя экспедиціи по окрестностямъ, сдѣлали одно ночное движеніе къ кр. Сардарь-Абаду. Встревоженный гарнизонъ крѣпости открылъ по насъ сильный огонь совершенно безвредный: но одна граната съ потерянной трубкою, пролетѣвъ между мною и Бенкендорфомъ, осыпала насъ пороховою мякотью. Это былъ первый непріательскій порохъ, который я, такъ сказать, понюхалъ. Бенкендорфъ послалъ коменданту предложеніе о сдачѣ крѣпости, на что конечно комендантъ отвѣчалъ одними усиленными выстрѣлами. Къ утру мы возвратились въ лагерь, и добрый Бенкендорфъ захотѣлъ воспользоваться этою пустою экспедиціею, чтобы сдѣлать представленіе обо мнѣ, въ которомъ, восхваляя мое мужество, между прочимъ написалъ, что я вызвался измѣрить ровъ, но что онъ, видя большую опасность такого предпріятія, меня къ тому не допустилъ. На этомъ представленіи Николай Павловичъ сдѣлалъ помѣтку: „Спросить у Пуцина, глубока ли ровъ: вызывался да не сдѣлалъ; большаго отличія я тутъ не вижу“. Я очень негодовалъ на Павла Коцебу, который, занимаясь представленіями, мнѣ этого не сообщилъ, тѣмъ болѣе, что я къ измѣренію рва никогда не вызывался, зная безъ измѣренія рва его глубину и всѣ размѣры; но добрый Бенкендорфъ, представляя это, думалъ выставить опасное съ моей стороны предпріятіе, которое въ другихъ обстоятельствахъ имѣло бы свою цѣну. Царская насмѣшка нисколько

не охладила мое рвеніе. Расположивъ піонеровъ въ Эриванскихъ садахъ, я сѣкъ виноградныя лозы, вязалъ фашины, плелъ туры, рубилъ колья и приготавливалъ все матеріалы къ предстоящей осадѣ, снялъ подробный планъ мѣстности и укрѣпленій Эриванскихъ. Часто въ Персидскомъ одѣяніи ходилъ я по вечерамъ въ крѣпость. На Бенкендорфа по временамъ находило тихое помѣшательство. Однажды онъ спросилъ меня, нельзя ли отвести рѣку Занчу и тѣмъ лишить крѣпость воды; въ другой разъ, указывая на одну изъ башенъ, сказалъ: *mon cher, faites moi sauter cette tour**); тогда еще не начаты были осадныя работы, и мы находились въ трехъ верстахъ отъ крѣпости.

Въ два мѣсяца стоянки подъ Эриванью я собралъ все нужныя свѣдѣнія и приготовилъ все матеріалы для осады. Персіяне были въ совершенномъ бездѣйствіи и допускали наши ежедневныя рекогносцировки безъ всякаго сопротивленія. Прошедшее Эривани имъ какъ бы ручалось за его будущее: два главнокомандующихъ, кн. Циціановъ и гр. Гудовичъ, отступили отъ Эривани послѣ неудачной попытки занять крѣпость.

Въ Іюнь присоединился къ намъ Паскевичъ съ главною дѣйствующею арміею, началъ осадныя работы; но время для осады было дурно выбрано, въ котловинѣ Эриванской наступили жары невыносимыя. Паскевичъ предпринялъ осаду въ Іюнь потому только, что не желалъ слѣдовать плану Ермолова, который предполагалъ заняться осадю Эривани въ Сентябрь. Съ Паскевичемъ былъ при арміи начальникомъ инженеръ П. Х. Трузсонъ. Ни тотъ, ни другой не подумали обо мнѣ, начиная осаду. Трузсонъ началъ вести осаду совершенно противно моему предположенію, никому тогда еще неизвѣстному. Два дня и двѣ ночи мы вели наши траншеи, оставляя между собою и непріателемъ рѣку Занчу, такой бѣстроты, что вода ворочала и уносила каменья. Я понять не могъ плана этихъ работъ, но не смѣлъ о нихъ судить строго, потому что Трузсонъ пользовался репутаціею лучшаго инженера.

На третій день этой осады, не знаю почему, самъ ли отъ себя или кто обо мнѣ вспомнилъ, Паскевичъ призвалъ меня и спросилъ меня откровенно ему сказать мнѣніе свое объ осадѣ. Я объявилъ Паскевичу, что ничего не понимаю въ этомъ планѣ осады и думаю, что мы со стороны начатой осады не возьмемъ крѣпости: но у меня есть планъ, мною въ два мѣсяца стоянки подъ крѣпостью въ подробности изученный, и я отвѣчаю, что послѣ восьми дней осады крѣпость должна покориться, но только не въ настоящее время года, когда половина людей, послѣ ночи, проведенной на работѣ, отправляется въ госпиталь.

*) Мой милый, взорвите мнѣ эту башню.

гдѣ скоро не будетъ мѣста больнымъ; по моему, слѣдуетъ снять осаду и уходить куда нибудь въ горы искать прохлады и отдыхать до осени.

Снявъ неудачно предпринятую осаду, мы отправились къ Нахичевани и расположились у рѣки Аракса въ виду крѣпости Абасъ-Абада. Я сожалѣлъ о брошенныхъ подъ Эриванью заготовленныхъ мною осадныхъ матеріалахъ, съ большимъ затрудненіемъ въ два мѣсяца собранныхъ. Трузсонъ изъ подъ Эривани уѣхалъ въ Тифлисъ, и начальникомъ инженеровъ оставался полковникъ Метовъ, олицетворенная бездарность.

Устроивъ лагерь подъ крѣпостью Абасъ-Абадъ на берегу Аракса, Паскевичъ на первой рекогносцировкѣ крѣпости приказалъ мнѣ быть при немъ. Тутъ назначено было построить двѣ сильныя батареи, чтобы сбить съ фронта оборону крѣпости. Строить батарею на лѣвомъ флангѣ назначенъ былъ капитанъ Серафимовичъ, а на правомъ гвардіи поручикъ Бухмееръ. Зная, что Бухмееръ не имѣетъ никакой практической опытности, я тутъ же на рекогносцировкѣ избралъ мѣсто для его батареи и означилъ направленіе амбразуръ двумя незамѣтными колышками и бороздкой въ рыхлой землѣ водопроводной канавки; такъ какъ я могъ находиться при какихъ хотѣлъ работахъ, то я избралъ батарею Бухмеера, чтобы не дать осрамиться гвардейскому офицеру.

Съ наступленіемъ ночи началась работа. Батарея наша строилась для 12 орудій. Для бѣльшаго успѣха въ работѣ, мы раздѣлили между собою присмотръ за работой, и каждый изъ насъ взялъ по 6 орудій. Санерь было немного, большая часть рабочихъ были армейскіе. Я ободрилъ своихъ рабочихъ обѣщаніемъ на водку: они скоро насыпали батарею подъ амбразуры, которымъ назначивъ направленіе, я пошелъ смотрѣть, что дѣлается у Бухмеера и къ величайшему удивленію нашель, что туры имъ поставлены широкимъ концомъ, съ выдающимися кольями, на землю со вбитыми въ нее кольями, тогда какъ выдающиеся колья должны быть вверху, чтобы укрѣплять на нихъ фашины. Конечно нужно было всю работу передѣлывать, почему Бухмеера 6 орудій не могли поспѣть вмѣстѣ съ моими. У меня уже оканчивалась батарея, когда пришелъ Метовъ и сталъ увѣрять меня, что мои амбразуры не такъ направлены. Я ему возражалъ, и у насъ завязался довольно громкій споръ, на который совсѣмъ неожиданно пришелъ Паскевичъ со штабомъ своимъ и спросилъ о причинѣ шума. Метовъ сталъ ему жаловаться, что я не хочу по его приказанію перемѣнить направленные мною амбразуры. Паскевичъ спросилъ, увѣренъ ли я въ правильности ихъ направленія. Я сказалъ, что совершенно увѣренъ, но что если полковникъ думаетъ, что онъ правъ, то можетъ еще направить по своему 6 орудій Бухмеера, еще не насыпанныхъ подъ амбра-

зуры, тогда навѣрно 6 орудій будутъ стрѣлять какъ слѣдуетъ; иначе можетъ случиться, что всѣ 12 не будутъ дѣйствовать. Паскевичъ приказалъ такъ сдѣлать, отправившись въ лагерь съ обѣщаніемъ возвратиться къ разсвѣту, чтобы видѣть, кто изъ насъ правъ. И точно, еще передъ разсвѣтомъ (какъ на какое либо зрѣлище) прибылъ Паскевичъ со всѣмъ своимъ штабомъ и множествомъ офицеровъ разныхъ войскъ изъ лагеря. Когда можно было видѣть крѣпостныя верки, мои 6 орудій начали громить крѣпость въ самомъ правильномъ направленіи, а Метова орудія не могли дѣйствовать, потому что стали бы стрѣлять по батарее Серафимовича на лѣвомъ флангѣ осады. Мое торжество было полное; я, какъ бы сказать, заявилъ публично свои практическія знанія. Паскевичъ былъ взбѣшенъ на Метова, отозвалъ его и меня подальше отъ присутствующихъ и сказалъ Метову: „Я тебя могъ бы сдѣлать солдатомъ, но не хочу: его (указывая на меня) я хотѣлъ бы произвести въ полковники, но не могу. Но вотъ что я могу: отъ сего времени не ты у меня начальникомъ инженеровъ, а онъ; всѣ распоряженія должны идти отъ него, и ты самъ, хотя и полковникъ, долженъ исполнять всѣ его приказанія, иначе я тебя прогоню изъ арміи и предамъ военному суду“.

Послѣ этого обстоятельства начались частыя, ежедневныя сношенія мои съ Паскевичемъ. Всѣ въ арміи видѣли во мнѣ не солдата, а начальника инженеровъ. Паскевичъ желалъ, чтобы я ходилъ въ Черкескомъ платьѣ, вѣроятно для того, чтобы солдатская шинель моя не колола ему глазъ; но я упорствовалъ, рѣдко надѣвалъ Черкеску и постоянно ходилъ въ солдатской шинели или бѣломъ кителѣ.

Два дня послѣ начатой нами осады по другой сторонѣ Аракса показался Абасъ-Мирза съ арміею своею, желая принудить насъ снять осаду. Паскевичъ, не ожидая его нападенія, рѣшился самъ его атаковать, для чего приказалъ мнѣ устроить мостъ на Араксѣ. Всѣ бурдюки отъ духанщиковъ поступили ко мнѣ, кузнечныя мѣха ихъ надували, и на другой день мостъ черезъ Араксъ былъ наведенъ, пѣхота и артиллерія по немъ перешли, а кавалерія перешла рѣку въ бродъ, и мы такъ внезапно напали на Абасъ-Мирзу, что онъ послѣ самаго слабаго сопротивленія отъ насъ бѣжалъ. Въ этомъ дѣлѣ, молодой Суворовъ въ первой встрѣчѣ своей съ непріателемъ такъ увлекся, что чуть не попался въ плѣнъ: къ счастью подоспѣлъ къ нему на выручку Семичевъ съ Нижегородскими драгунами.

Послѣ разбитія и отогнанія Абаса-Мирзы крѣпость сдалась, и мы, оставивъ въ ней гарнизонъ, ушли въ горы искать прохлады и здоровья людямъ, которыхъ значительно теряли отъ развивавшагося кроваваго поноса. Въ Карабахѣ мы какъ мухи отъ солнца стали оживать. Я жилъ

тамъ въ одной палаткѣ съ кн. Суворовымъ и Ник. Дм. Киселевымъ; послѣдній находился при арміи вмѣстѣ съ посланникомъ Обрѣзковымъ и всею Персидскою миссіею. Жили мы весело, довольство было полное, продукты подвозились намъ черезъ Карабахъ: прямое сообщеніе съ Тифлисомъ было занято непріателемъ.

Отдыхъ нашъ продолжался два мѣсяца самыхъ жаркихъ за Кавказомъ, съ половины Іюня до половины Августа. и продолжался бы долѣе, если бы не получено было черезъ Карабахъ извѣстіе, что отрядъ Красовскаго въ слѣдованіи изъ Грузіи на выручку осажденнаго Эчміадзина потерпѣлъ отъ Абасса-Мирзы пораженіе, хотя послѣ большихъ потерь успѣлъ соединиться въ Эчміадзинѣ съ отрядомъ его занимавшимъ.

Никогда я не видалъ Паскевича въ такомъ отчаяніи и такъ встревоженнаго, какъ по полученіи этого извѣстія. Форсированнымъ маршемъ въ нѣсколько дней мы, пройдя мимо Эривани, пришли къ Сардарь-Абаду, гдѣ расположились лагеремъ. Походъ этотъ былъ сопряженъ съ лишеніями всѣхъ родовъ: духанчики наши, не имѣя уже никакихъ запасовъ, не могли за нами слѣдовать. Въ день нашего прибытія къ Сардарь-Абаду прибыли транспорты изъ Грузіи со всѣми необходимыми для насъ продуктами; подъ вечеръ весь лагерь упился, кто водкою, кто виномъ, кто Шампанскимъ. Ко мнѣ въ палатку заглянулъ Паскевичъ, и первое, что ему попало на глаза, это нѣсколько дюжинъ бутылокъ, большею частію опорожненныхъ. На другой день нашего прибытія къ Сардарь-Абаду піонерный батальонъ былъ командированъ за 15 верстъ отъ крѣпости въ виноградники для заготовленія туровъ и фашинъ. Только что я, находясь при батальонѣ, успѣлъ тамъ расположиться, казакъ отъ Паскевича прискакалъ за мною съ приказаніемъ немедленно къ нему явиться, а батальону на другой день присоединиться къ отряду. Явившись къ Паскевичу, я отъ него узналъ, что послѣ рекогносцировки крѣпости назначено было выстроить мортирную батарею для дѣйствованія навѣсными выстрѣлами въ крѣпость; поручено это Философову, который выстроилъ батарею такъ далеко отъ крѣпости, что бомбы до нея не долетали. Паскевичъ выразилъ мнѣ, что онъ видитъ, что безъ моего содѣйствія въ осадныхъ работахъ не будетъ никакого толка и поручилъ мнѣ осмотрѣть крѣпость, для чего въ прикрытіе предложилъ взять сколько хочу войска. Я просилъ позволенія взять Коновницына и Дорохова, приказать сотнѣ казаковъ приблизиться къ крѣпости и по выстрѣлу отъ насъ скакать къ намъ на выручку. Самъ съ ружьемъ я пошелъ въ сады окружающіе крѣпость, Коновницына поставилъ при входѣ въ сады, Дорохова на сто сажень далѣе въ садахъ и, приблизившись на 150 сажень къ крѣпости, высмотрѣлъ мѣсто для брешъ-батареи: каждый изъ насъ, замѣтивъ какое

либо движеніе со стороны непріятеля, долженъ былъ выстрѣломъ извѣстить готовыхъ намъ на выручку казаковъ. Время было пасмурное, туманное съ мелкимъ дождемъ, я имѣлъ возможность не только изучить мѣстность, но и трасировать батарею для ночныхъ работъ. Удачно окончивъ опасное порученіе въ нѣсколько часовъ, мы, измокшіе, возвратились отъ крѣпости къ Паскевичу, незамѣченные непріателемъ, не ожидавшимъ никакого движенія съ нашей стороны въ такую невыносимую погоду. Въ палаткѣ Паскевича я начертилъ ему осмотрѣнную мѣстность. Паскевичъ, довольный исполненнымъ порученіемъ, чтобы отогрѣть насъ, приказалъ подать двѣ бутылки Шампанскаго и съ нами, тремя солдатами, ихъ роспилъ. За бутылкой Шампанскаго я ему сказалъ, что безъ всякаго сомнѣнія послѣ нѣсколькой часовой стрѣльбы изъ батареи въ 18 орудій сдѣланъ будетъ брешь и крѣпость на другое утро можетъ быть взята штурмомъ, если еще прежде этого крайняго средства не будетъ сдана. Для усиленія огня предложилъ я выдвинуть впереди батареи другую батарею изъ Когорновыхъ мортиръ, которая навѣсными выстрѣлами будетъ беспокоить скрывающійся за стѣнами гарнизонъ. Тогда же сдѣлано распоряженіе для ночныхъ работъ. Засвѣтло я съ нѣкоторыми піонерами пошелъ къ крѣпости и до прибытія рабочаго отряда и прикрытія отчетливо, на знакомомъ мнѣ мѣстѣ, разбилъ всѣ части батареи. Къ разсвѣту батарея начала громить крѣпость, и въ то же утро можно было штурмовать, чѣмъ мы сейчасъ воспользовались и вслѣдъ за начальникомъ штаба Сакеномъ, который первый вошелъ въ одну изъ защищаемыхъ башенъ, вошла штурмовая колонна въ крѣпость. Защита была слабая, и въ то время, какъ мы входили съ передняго фаса, гарнизонъ крѣпости уходилъ изъ нея съ задняго фаса; но очень мало кому удалось укрыться отъ преслѣдованія кавалеріи и казаковъ. Часъ послѣ атаки крѣпость взята со всѣмъ гарнизономъ, часть котораго облеклась въ бѣлыя рубахи съ цѣлью защищаться на смерть, до послѣдней капли крови, но не устояла въ своей повидимому не очень твердой рѣшимости.

Приведя въ извѣстность все доставшееся намъ въ крѣпости и оставивъ въ ней самый незначительный гарнизонъ, мы поспѣшили къ Эривани, куда прибыли 23 Сентября и на другой день, подъ распоряженіемъ прибывшаго изъ Тифлиса генерала Трузсона, начались осадныя работы по моему предложенію со второй паралели. Работа шла быстро, особенно на лѣвомъ флангѣ работъ подъ моимъ распоряженіемъ. При началѣ работъ Паскевичъ спросилъ меня, какъ думаю я, долго можетъ продлиться осада: я ему тогда предсказалъ, что въ Покровъ день покроемъ крѣпость. Сентября 30-го, когда мы устраивали третью паралель, подъ вечеръ меня съ лѣваго фланга позвали къ Па-

скевичу, который находился въ центрѣ работъ; я пошелъ къ нему не траншеями, а прямою дорогою, полемъ, по открытой мѣстности, нашелъ Паскевича сердившагося за что то на Трузсона, отдавая ему какія-то приказанія. Паскевичъ встрѣтилъ меня вопросомъ, можно ли сегодня короновать гласисъ. „Почему не можно, если вы этого желаете, отвѣчалъ я, вамъ стоитъ только отдать на это приказаніе“. Трузсонъ на это возразилъ: „Я любопытенъ видѣть, какъ вы это приведете въ исполненіе“. — „Онъ вамъ покажетъ, какъ“, сказалъ Паскевичъ и приказалъ мнѣ сейчасъ же сдѣлать всѣ приготовленія къ коронованію гласиса. Трузсонъ, извѣстный инженеръ, техникъ и теоретикъ, инженеръ-методистъ, ни за что не разстававшійся съ теоріею искусства, которая не допускаетъ коронованія изъ третьей паралели безъ приближенія къ крѣпости двойною сапою, прикрываясь траверсами и тонтелетами, упустилъ изъ виду, что мы имѣемъ дѣло съ непріателемъ не предприимчивымъ, который впродолженіи шести дней осады не сдѣлалъ ни одной вылазки и ничѣмъ не препятствовалъ успѣшному ходу нашихъ работъ; мы на близкомъ разстояніи отъ крѣпости подвигали работы не тихою, а могучею сапою, огонь въ крѣпости былъ самый слабый, и мы чрезвычайно мало теряли людей отъ выстрѣловъ не частыхъ и не продолжительныхъ, что весьма много содѣйствовало нашему успѣху. Для того, чтобы безошибочно придти ночью къ исходящему углу бастіона для коронованія гласиса отъ того мѣста въ третьей паралели, изъ котораго долженъ былъ выступить рабочій отрядъ, я, когда начало смеркаться, вытянулъ кольями линію назадъ и потомъ уже, по мѣрѣ наступленія темноты, подвинулся линіею частыхъ кольевъ до исходящаго угла, что мнѣ совершенно удалось, потому что послѣдній колъ линіи пришелся прямо на назначенномъ пунктѣ коронованія. Прикрытіе и рабочіе могли безошибочно ходить взадъ и впередъ, а работа наша была много облегчена тѣмъ, что Персіане въ защиту своихъ стѣнъ отъ нашихъ выстрѣловъ сами на гребнѣ гласиса утвердили рядъ большихъ туровъ и такимъ образомъ на половину сократили нашу работу, и прибывшіе къ гласису рабочіе подъ самую крѣпостью нашли себѣ прикрытіе отъ ружейныхъ выстрѣловъ. Полагать надо, что Персіане никакъ не ожидали нашихъ работъ у самаго гласиса, потому что не было принято ими никакихъ предосторожностей, и когда они услышали шумъ отъ нашихъ работъ, то вся крѣпость встревожилась и начала стрѣлять изъ всѣхъ орудій по всѣмъ направленіямъ и освѣщать мѣстность свѣтлыми ядрами. Самой незначительной вылазки достаточно бы было, чтобы отогнать насъ отъ крѣпости. У меня было всего 150 рабочихъ, и прикрывалъ меня сводный гвардейскій полкъ въ числѣ двухъ слабыхъ батальоновъ. Не взирая на сильный огонь съ крѣпости, мои

рабочіе, хорошо прикрытыя, успѣшно подвигали свою работу и не терпѣли никакой убыли въ людяхъ. Вдругъ къ моему удивленію доходить до нашего слуха отбой въ траншеяхъ, я не вѣрю своимъ ушамъ, иду къ полк. Шипову, командующему своднымъ гвардейскимъ полкомъ въ прикрытіи, отъ него получаю приказаніе оставить работу и возвращаться въ траншеи; я никакъ на это согласиться не могъ, потому что, если бы тогда оставить работу въ безпорядкѣ и уйти, то намъ бы потомъ пришлось отъ Эривани отступить или еще долго возиться съ осадою. Несмотря на отбой, я никого изъ рабочихъ не отпустилъ, никого изъ нихъ не потерялъ и продолжалъ работу, чтобы окончить кавальеръ и какъ слѣдуетъ его вооружить. У Шипова было нѣсколько убитыхъ и раненыхъ: онъ послѣ отбоя не рѣшился самовольно оставаться для прикрытія моихъ рабочихъ, которые также по его приказанію должны были возвратиться и, сказавъ мнѣ: дѣлайте, какъ знаете, самъ съ полкомъ отступилъ къ траншеямъ. На пути отступленія у него еще перебило нѣсколько человѣкъ. Паскевичъ, послѣ донесенія ему Шипова, что я съ рабочими остался подъ крѣпостью оканчивать работу, прислалъ Баговута съ приказаніемъ тотчасъ отступить. Прежде чѣмъ исполнить это категорическое приказаніе, я вмѣстѣ съ Баговутомъ пошелъ къ Паскевичу и сказавъ ему тоже, что Шипову, умолялъ его позволить мнѣ окончить мою работу и отмѣнить свое приказаніе, возвратитъ ко мнѣ прикрытіе, и я ему ручаюсь въ томъ, что завтра крѣпость будетъ наша. Тогда я узналъ, что Паскевичъ приказалъ бить отбой потому, что выстрѣлами изъ крѣпости, къ которымъ непріятель насъ не пріучилъ, выбито въ траншеяхъ много людей, не соблюдавшихъ осторожности. Я просилъ приказать, чтобы люди не выходили изъ траншей и плацъ-дармовъ, и тогда Паскевичъ отмѣнилъ свое приказаніе объ отбоѣ, послалъ опять Шипова съ полкомъ прикрывать рабочихъ и сверхъ того усилилъ мой рабочій отрядъ для болѣе успѣшнаго окончанія короновація гласиса.

Къ полному моему торжеству случилось по моему. Нѣсколько часовъ послѣ огня съ кавальера стѣна Эривани рухнула, въ брешь вошелъ гвардейскій полкъ, и вслѣдъ за тѣмъ Эривань сдалась. Съ донесеніемъ поскакалъ кн. Вл. Голицынъ къ Паскевичу въ лагерь, гдѣ онъ въ ожиданіи покоренія крѣпости преспокойно спалъ. Голицынъ, который разбился о камень, упавъ на скаку съ лошади, до Паскевича не доскакалъ и привезенъ былъ въ лагерь за три версты отъ Эривани безъ чувствъ, совершенно изуродованный. Паскевичъ о взятіи Эривани узналъ уже тогда, какъ, по примѣру гвардейскаго полка, и всѣ прочія войска производили сильный грабежъ. Я стыдилъ двоюроднаго брата своего А. Пав. Пущина, который самъ подъ уздцы выводилъ изъ Эри-

вани коврами Персидскими навьюченную лошадь и потому не могъ остановить свою роту отъ грабежа.

Два часа послѣ занятія Эривани пріѣхалъ Паскевичъ. Встрѣчая на дорогѣ вьюки съ награбленными вещами, онъ пріѣхалъ въ Эривань взбѣшенный и тотчасъ приказалъ учредить на всѣхъ выходахъ караулы. Когда войска наши входили въ крѣпость черезъ разрушенную стѣну, я съ А. И. Красовскимъ и его аудиторомъ Бѣловымъ пошелъ къ крѣпостнымъ воротамъ, не ожидая никакого сопротивленія: мы нашли однакоже ворота припертыми. Бѣловъ закричалъ, чтобы ихъ отворили: вмѣсто отвѣта раздался выстрѣлъ изъ фальконета, отъ котораго голова Бѣлова разлетѣлась, и меня съ Красовскимъ обрызгало его мозгами и кровью; слѣдовавшіе за нами солдаты бросились къ воротамъ и перекотили всѣхъ фанатиковъ, ихъ защищавшихъ. Въ то время какъ войска наши грабили безпощадно жителей, гарнизонъ Эривани разбѣжался куда могъ; въ преслѣдованіи его забрано множество въ плѣнъ: Паскевичъ, приказавъ отобрать у нихъ оружіе, велѣлъ ихъ распустить.

Такъ совершилось 1 Октября знаменитое взятіе Эривани, за что въ армію посыпалось множество наградъ, по правдѣ сказать мало заслуженныхъ. Паскевичъ получилъ графство Эриванское, главный же дѣятель былъ произведенъ въ *унтеръ-офицеры* съ приказаніемъ не употреблять его выше его званія, т. е. не позволять ему распоряжаться военными дѣйствіями, а позволить, какъ милость, завѣдывать капральствомъ. Приказаніе это не было приведено въ исполненіе Паскевичемъ. Въ послѣдствіи будемъ видѣть, какую пользу принесла служба моя въ дѣйствующей арміи во время двухъ Турецкихъ кампаній.

Внѣ боевой службы я былъ совершенно свободенъ, сильно проигрывалъ въ цхну и банкъ, пропасть наигрывалъ денегъ и много изъ выигранныхъ никогда не получалъ: ни одинъ человекъ изъ должниковъ моихъ мнѣ своего долга не заплатилъ, одинъ Козловъ въ 1841 г. отдалъ мнѣ въ Петербургѣ свой долгъ въ 10 т. руб.

Батальономъ продолжалъ командовать Евреиновъ; подъ Эриванью онъ питался свининою (свиней возилъ съ собою), кислую капустою и колбасами, въ дѣлѣ съ непріателемъ нигдѣ не участвовалъ, за то подъ Эриванью однажды зашелъ въ безопасную траншею, получилъ Владимира 3-ей степени, а болѣе за то, что весьма усердно при всякомъ случаѣ въ уши штабныхъ Паскевича ругалъ Ермолова на чемъ свѣтъ стоитъ, превознося Паскевича до небесъ. Желая батальонному казначею Богдановичу преградить дорогу къ повышенію, передъ самой Персидской кампаніей онъ послалъ его за ремонтомъ на линію. Бѣдный Богдановичъ жаловался на такую несправедливость, а Евреиновъ радовался, что младшіе Богдановича офицеры получили по двѣ награды. Я искалъ

возможности вознаградить Богдановича; позднѣе въ Тавризѣ представился къ тому благопріятный случай, которымъ я воспользовался, чтобы выдвинуть Богдановича и чтобы онъ ничего не потерялъ по службѣ отъ нерасположенія Евреинова. Паскевичъ, повѣсивъ Евреинову крестъ на шею, приказалъ ему отправиться въ Тифлисъ и къ батальону не возвращаться. Евреиновъ послѣ Эривани сдалъ батальонъ Тритилевичу и оставилъ насъ ко общему всѣхъ удовольствію. Паскевичу были уже не нужны ругательства на Ермолова и наконецъ совѣстно было держать на службѣ такого грязнаго и бесполезнаго человѣка. Часто я говорилъ о немъ Сагену, Вольховскому, и наконецъ удалось мнѣ избавить батальонъ отъ постыднаго начальника.

Взятіемъ Эривани кончились военныя дѣйствія Персидской кампаніи, мы болѣе не встрѣчались съ непріателемъ. Изъ Эривани двинулись къ Тавризу, который къ крайнему неудовольствію Паскевича былъ прежде насъ занятъ кн. Эристовымъ по внушенію начальника его штаба Николая Муравьева, которому Паскевичъ никогда этого не простилъ. Въ Тавризѣ остановились на зиму. Я получилъ возможность роскошно прожить тамъ четыре мѣсяца. Наканунѣ вступленія въ Тавризъ я у А. В. Панова, командира Херсонскаго полка, выигралъ 180 т. р. асс. Съ полными карманами червонцевъ и банковыхъ билетовъ вступилъ я въ Тавризъ, гдѣ долженъ былъ на всѣ эти деньги безпутно прожить. Помѣстился съ двумя братьями Коновницыными и Молчановымъ во дворцѣ Абасъ-Мирзы, въ великолѣпно отдѣланныхъ комнатахъ серала съ фонтаномъ во дворѣ, обсаженнымъ рѣдкими растеніями. Тотчасъ познакомился въ Тавризѣ со всею Англійскою миссією. Пять дней въ недѣлѣ я обѣдалъ у Англичанъ: Гарта, Монтеса, Шее, Кембея и двухъ Макдональдовъ; въ шестой день, въ Субботу, я ихъ угощалъ въ домѣ одного Итальянца, которому заказывалъ обѣдъ. Изъ Русскихъ, сблизившихся съ Англичанами, были: я, два брата Коновницыны, Молчановъ, Ренкевичъ, Левъ Пушкинъ и еще немногіе. Кашкаровъ былъ назначенъ комендантомъ цитадели. Аркъ хорошо кормилъ пріятелей, Ренне также отличался своими гастрономическими вкусами, и еще можно было найти хорошій обѣдъ у Грибоѣдова.

Выигравъ наканунѣ вступленія въ Тавризъ такой значительный кушъ, я думалъ только о томъ, какъ бы скорѣе его растратить. Давалъ деньги всѣмъ, кто ихъ просилъ и предлагая даже тѣмъ, кто не думалъ въ нихъ нуждаться и бралъ потому только, что даютъ. Къ стыду человѣчества скажу, что никто гроша мнѣ не возвратилъ, на требованіе уплаты никто мнѣ даже впослѣдствіи не далъ отвѣта. Такимъ образомъ безвозвратно пропало у меня слишкомъ сто тысячъ р. асс.

Въ Тавризѣ всякій день завтракалъ я у одного Армянина въ каравансараѣ: если завтракалъ одинъ, то за хейбабъ (родъ бифштекса), сыръ и бутылку лафита безъ требованія платилъ два червонца; если же съ кѣмъ нибудь, то всегда по два червонца съ персоны, обѣдъ субботній рѣдко мнѣ обходился менѣе ста червонцевъ. Слуга, онъ же и поваръ, у меня былъ Степанъ Логиновъ, котораго по прїѣздѣ моемъ въ Тифлисъ мнѣ далъ въ услуженіе Богдановичъ. Степанъ былъ очень хорошій поваръ и когда мнѣ приходилось обѣдать дома въ (Тавризѣ рѣдко, въ Тифлисѣ же очень часто въ компаніи многихъ товарищей) Степанъ получалъ по червонцу отъ прибора. Чтобы не вести съ нимъ никакихъ счетовъ, онъ долженъ былъ за эту цѣну поставлять и Катехинское вино къ столу. Такимъ образомъ, когда я подъ конецъ моего пребыванія на Кавказѣ остался безъ денегъ, Степанъ предложилъ мнѣ на дорогу въ Москву своихъ 3 т. асс. Воспоминаніе о Степанѣ увлекло меня впередъ; возвращаюсь къ Тавризской жизни.

Изъ вышесказаннаго можно видѣть, что безсчетное употребленіе денегъ не обѣщало долгаго ихъ присутствія въ моихъ карманахъ.

Скоро по занятіи Тавриза главная квартира перешла вмѣстѣ съ Паскевичемъ за 60 в. въ Дейкарганъ, гдѣ заключено перемиріе и велись съ Абасъ-Мирзою переговоры о мирѣ. Вольховскій посланъ въ Тегеранъ къ Фетъ-Али-Шаху. Оттуда между другими своими донесеніями онъ писалъ Паскевичу, что какой-то ханъ мѣняетъ нашихъ плѣнныхъ на лошадей. Паскевичъ, жалуясь на это Абасъ-Мирзѣ, сказалъ, что если ханъ этотъ не будетъ подвергнутъ взысканію, то онъ зятя Абасъ-Мирзы, взятаго въ плѣнъ при занятіи Тавриза и содержащаго тамъ въ крѣпости, промѣняетъ на осла. Мирза обидѣлся, оставилъ присутствіе, потребовалъ свои вѣрительныя грамоты и прервалъ переговоры. Чтобы уладить дѣло, Обрѣзковъ посовѣтовалъ сбавить нѣсколько милліоновъ изъ требуемой нами контрибуціи. Такимъ образомъ одно неосторожное слово Паскевича стоило до десяти милліоновъ на наши деньги. Абасъ-Мирза успокоился, и переговоры возобновились, но не на долго. Вольховскій изъ Тегерана доносилъ, что шахъ и его окружающія лица, медля высылкою денегъ, приготовляются къ возобновленію военныхъ дѣйствій и что хорошо было бы предупредить шаха и прекратить переговоры рѣшительнымъ ультиматумомъ.

Въ Январѣ 1828 года Паскевичъ, призвавъ меня въ Дейкарганъ, объявилъ мнѣ, что онъ намѣренъ немедленно предпринять походъ къ Тегерану, но такъ какъ дорога была тогда непроходимой отъ множества напавшаго снѣга, то онъ призвалъ меня для того, чтобы я придумалъ способъ для движенія арміи. Я предложилъ треугольники, употребляемые на шоссе и въ Финляндіи. Паскевичъ приказалъ мнѣ

заняться устройствомъ ихъ въ Тавризскомъ арсеналѣ. По возвращеніи въ Тавризь, два треугольника, окованные желѣзомъ, скоро были готовы. Запряжка четырехъ паръ воловъ въ каждомъ едва могла ихъ двигать по глубокому снѣгу, но они расчищали дорогу такъ, что артиллерія и обозы могли удобно по ней слѣдовать. Въ Февралѣ мы двинулись къ Тегерану форсированнымъ маршемъ за треугольниками, которымъ предстояло расчищать для насъ дорогу на разстояніи 700 верстъ отъ Тавриза до Тегерана. На первомъ переходѣ отъ Тавриза встрѣтили мы Вольховскаго, возвращавшагося отъ шаха, а мимо насъ верхомъ проскакалъ Англійскій посланникъ Макдональдъ въ Тегеранъ. Не прошли мы двухъ сотъ верстъ и дошли до Туркманчая, какъ уже Макдональдъ возвращался изъ Тегерана съ извѣстіемъ о принятіи шахомъ всѣхъ условій мира. Армія тотчасъ остановлена въ Туркманчаѣ. Абасъ-Мирза прибылъ туда же черезъ нѣсколько дней, и пушечная пальба возвѣстила о выгодномъ для насъ мирѣ. Мы получили хорошую границу, Эриванскую область и до ста милліоновъ контрибуціи. Грустно было для меня это торжество, и я въ солдатскомъ своемъ званіи въ немъ не участвовалъ, между тѣмъ зналъ, что немало содѣйствовалъ его заключенію. Самое наше присутствіе въ Туркманчаѣ, среди большихъ снѣговъ, облегчено моими трудами. Киселевъ, съ которымъ я жилъ въ Туркманчаѣ, передавалъ мнѣ, какъ совершались празднества: обо мнѣ же на этихъ праздникахъ и помину не было, какъ будто меня не существовало. Не знаю, Киселевъ ли передалъ о моемъ оскорбленномъ чувствѣ, или Паскевичъ самъ вспомнилъ обо мнѣ, только передъ выступленіемъ изъ Туркманчая онъ призвалъ меня къ себѣ, благодарилъ за всю мою службу въ арміи и предложилъ ѣхать въ Тифлисъ, исполнивъ прежде порученіе, которое онъ мнѣ тутъ же далъ: устроить для возвращающихся войскъ прочную переправу черезъ Араксъ, принять для этого находящуюся на Араксѣ понтонную роту капитана Фредерикса въ свою команду и, уже окончивъ порученіе, ѣхать въ Тифлисъ обмундировываться, потому что скоро вѣроятно получится приказъ о возвращеніи мнѣ чиновъ, о чемъ онъ въ вознагражденіе моей полезной службы въ арміи особенно ходатайствовалъ у Государя. Простившись съ Паскевичемъ и всѣми друзьями, которые меня отъ души поздравляли, я поѣхалъ черезъ Тавризь на Асландузскую переправу на Араксъ устраивать тамъ понтонный мостъ, нашелъ тамъ Фредерикса и другихъ офицеровъ, съ которыми все время игралъ въ карты и наигралъ столько, что могъ пополнить истощенные въ Тавризѣ карманы и имѣлъ на что обмундироваться въ Тифлисъ.

По окончаніи прочнаго устройства моста я на Самоварѣ, Кабардинской лошади, доставшейся мнѣ за 40 червонцевъ отъ Суворова,

послѣ отъѣзда его съ донесеніемъ о заключеніи мира въ Петербургъ, отправился въ Тифлисъ и въ два дни на одной лошади сдѣлалъ переѣздъ въ 400 верстъ. Въ Тифлисъ ожидала меня совершенно новая, не лишенная удовольствія жизнь. Собравшись съ мыслями, приступлю къ разсказу. Отдохнувши отъ Персидскаго похода и получивши ожидаемое обѣщанное вознагражденіе за часто тяжкіе труды мои, никакъ я не воображалъ, что близко то время, когда въ сравненіи съ другими кампаніями труды, понесенные въ Персидской, не могутъ во что нибудь считаться.

По пріѣздѣ въ Тифлисъ я нашелъ тамъ военнаго губернатора, назначеннаго вновь по выступленіи нашемъ за границу. Сипягинъ, получившій первый это назначеніе, былъ мнѣ хорошо знакомъ при вступленіи моемъ въ службу: онъ былъ пріателемъ Набокова. Первая жена его была Всеволожская, а вторая, съ которою онъ пріѣхалъ въ Тифлисъ, Кушникова, обѣ съ хорошимъ приданымъ, особенно послѣдняя, очень богатая. Подъѣзжая къ Тифлису съ большимъ нетерпѣніемъ, я думалъ навѣрно, что тотчасъ же прочту высочайшій приказъ о возвращеніи мнѣ чиновъ: но не тутъ то было: никакого извѣстія объ этомъ изъ Петербурга, почему я и не могъ тотчасъ обмундироваться, не зная, куда меня ожидаемый приказъ назначить. Солдатская шинель моя износилась и годившаяся въ походъ не могла мнѣ служить въ Тифлисъ; по этой причинѣ я въ Тифлисъ, какъ затворникъ, никуда днемъ не показывался. Сипягинъ, узнавъ, что я возвратился изъ арміи, нѣсколько разъ присылалъ за мною, я отговаривался болѣзнию и къ нему не шелъ. Наконецъ онъ самъ ко мнѣ пріѣхалъ, выговаривалъ мнѣ мое къ нему невниманіе и насильно захватилъ меня къ себѣ обѣдать. Въ первый разъ увидалъ я его жену, которая меня въ изношенной моей солдатской шинели приняла съ большимъ почетомъ, просила сѣсть за обѣдомъ подлѣ нея и сказала, что солдатская моя шинель возвышаетъ меня въ ея глазахъ, что я ее долженъ съ гордостью носить. Съ того времени въ домѣ Сипягина я былъ какъ домашній человѣкъ: онъ и она все дѣлали, чтобы сдѣлать домъ ихъ для меня пріятнымъ, такъ же какъ я нетерпѣливо ожидалъ царской милости для меня, не сомнѣваясь, что она окажется, можетъ быть, полнѣе чѣмъ я ожидаю. Въ то же время я познакомился съ женою Бухарина, Екатериною Ивановною, мужъ которой Николай Григорьевичъ командовалъ батареею артиллерійскою и еще не возвратился въ Тифлисъ. Тотчасъ по прибытіи въ Тифлисъ онъ назначенъ былъ комендантомъ Тифлисскимъ. Жена его, красивая женщина, была окружена толпою обожателей: мнѣ изъ какого-то самолюбія хотѣлось ихъ отогнать. Дальнее родство (Бухаринъ былъ двоюродный братъ моего двоюроднаго брата Ивана Яковлевича

Бухарина) мнѣ давало возможность чаще бывать и цѣлые дни проводить у моей хорошенькой кузины и пока мужъ ея игралъ въ карты, къ которымъ имѣлъ пристрастіе, или разъѣзжалъ по своей должности, я по правамъ родственнымъ широко пользовался его отсутствіемъ. Кузина моя дѣлала все возможное, чтобы имѣть меня постояннымъ своимъ поклонникомъ; я страстно въ нее влюбился, она отвѣчала моей любви на столько, чтобы держать меня у ногъ своихъ. Чтобы доставлять ей развлеченія, я устраивалъ разныя прогулки и загородныя катанья, часто продолжавшіяся до ранняго утра...

Въ Мартѣ, болѣе мѣсяца послѣ пріѣзда моего въ Тифлисъ и поздравленія меня Паскевичемъ, полученъ наконецъ приказъ о производствѣ меня, Коновницына и Оржицкаго за отличіе въ прапорщики. Мнѣ памятно еще и теперь то чувство оскорбленія, которое произвелъ на меня этотъ столь долго ожидаемый приказъ. Вотъ когда Николай Павловичъ надругался надо мною и какъ бы вторично разжаловалъ. Въ то время возвратился Паскевичъ въ Тифлисъ, и я, сооривъ себѣ самую необходимую обмундировку, представился ему съ Сипягинымъ, къ которому передъ тѣмъ зашелъ. Паскевичъ сказалъ мнѣ, что ему совѣстно смотрѣть на мои эполеты, но что я долженъ знать, что не онъ въ этомъ виноватъ, взялъ меня за эполеты и прибавилъ, что все это можно исправить въ предстоящую Турецкую кампанію, о которой мнѣ тогда же объявилъ и велѣлъ готовиться къ походу. Когда пришлось готовиться къ новому походу, у меня не оказалось къ тому достаточно средствъ; безъуютная моя жизнь въ Тавризѣ, роскошная въ Тифлисѣ, вызванная моею страстью, и потеря болѣе 300 червонцевъ, высыпавшихся у меня изъ кармана при переправѣ вплавъ верхомъ черезъ разлившіяся на нѣсколько верстъ Араксъ, лишили меня остатковъ большаго выигрыша въ Тавризѣ. Докторъ Мартиненго меня выручилъ и до присылки денегъ изъ Петербурга снабдилъ ими на обмундировку.

Недолго я погулялъ въ Тифлисѣ. Въ Маѣ мѣсяцѣ Паскевичъ меня послалъ повѣрить донесеніе полковника Эспехо, котораго онъ посылалъ осмотрѣть кратчайшую дорогу на Карсъ черезъ Мокрыя Горы. Для исправленія дороги къ удобному движенію войскъ Эспехо требовалъ 100 тысячъ асс. Паскевичъ предпочелъ направить войска по существующей дорогѣ на 200 верстъ далѣе и только въ случаѣ, если я найду возможность двинуть войска на Мокрыя Горы, хотѣлъ перемѣнить имъ маршрутъ. Я выѣхалъ на осмотръ дороги, когда уже голова колонны выступила изъ Тифлиса, и мнѣ нужно было окончить порученіе не болѣе какъ въ три дня, чтобы успѣть повернуть авангардъ на осмотрѣнную дорогу, въ случаѣ возможности движенія по ней. Херсонскій полкъ долженъ былъ слѣдовать по моему приказанію на дорогу и подѣ

руководствомъ роты саперъ исправлять ее до пограничной крѣпости Цалки.

Мнѣ удалось очень удачно исполнить это первое порученіе, какъ офицеру данное. Оставивъ Богдановича для указанія нѣкоторыхъ исправленій по топкимъ мѣстамъ фашинами, я на третій день вернулся въ Тифлисъ, успѣвъ по дорогѣ встрѣченныя войска направить на вновь устраиваемую дорогу; на приготовленныхъ на казачьихъ постахъ лошадяхъ я менѣ чѣмъ въ трое сутокъ проскакалъ верхомъ болѣе 400 верстъ, въ Тифлисъ пріѣхалъ совершенно разбитый, послѣднія станціи не могъ сидѣть какъ слѣдуетъ на лошади, а держался на ней сгибами колѣнъ, не заѣзжая домой прискакалъ прямо въ сѣрныя бани Тифлиса, два часа въ ваннѣ далъ распариться и отдохнуть членамъ своимъ, одѣлся и прямо изъ ванны явился во второмъ часу ночи къ Паскевичу, весь красный, но совершенно реставрированный. Паскевичъ удивился такъ проворно исполненному порученію, благодарилъ меня много и сказалъ, что понимаетъ очень мою поспѣшность, обѣщалъ не тревожить меня до выступленія въ походъ главной квартиры. Этимъ Паскевичъ далъ мнѣ знать, что знаетъ причину, заставившую меня спѣшить возвращеніемъ въ Тифлисъ и желаніе въ немъ сколько возможно далѣе оставаться. До выступленія на новое военное поприще противу Турокъ любовная моя интрига нисколько впередъ не подвинулась, хотя безъ наслажденія не могу вспомнить о времени, такъ тревожно проведенномъ. Въ день выступленія въ походъ я похожъ былъ на того офицера, который, простоявъ годъ на квартирѣ своей хозяйки, выступая въ походъ, сказалъ товарищамъ своимъ: ахъ, если бы еще хоть одинъ день простоять здѣсь, она была бы моя. Исполняя порученіе осмотра дороги и прибывъ въ маленькую крѣпостицу на границѣ, Цалку, я нашелъ тамъ коменданта Тифлискаго полка капитана Руднева, вышедшаго нѣсколько лѣтъ прежде меня изъ корпуса и все еще капитана арміи, тогда какъ я въ 1824 году былъ капитанъ гвардіи, а въ 1828 году, когда съ нимъ встрѣтился, снова дослужился до сапернаго прапорщика. Рудневъ былъ типъ армейскаго капитана, пилъ горькую и ругался со своими подчиненными. Во все три дня моей скачки съ препятствіями у него только я могъ отдохнуть нѣсколько часовъ и подкрѣпить свои силы довольно Спартанскимъ обѣдомъ и бурдючьимъ Кахетинскимъ виномъ, но всетаки то былъ для меня съ Богдановичемъ оазисъ въ пустыни. Богдановичъ, который мнѣ до Цалки сопутствовалъ, чтобы принять отъ меня распоряженія на счетъ исправленія дороги, во время короткаго пребыванія нашего въ Цалкѣ, нарисовалъ картину, на которой изобразилъ меня, во весь духъ скачущаго въ Тифлисъ, съ надписью: нетерпѣніе влюбленнаго. Не могу не сознаться, что любовь эта

меня воспламеняла и давала *raison d'être* моей неутомимой дѣятельности при взятіи крѣпости: мнѣ хотѣлось набраться военной славы и всю ее положить къ ногамъ обожаемой женщины...

Приблизившись къ крѣпости Карсъ, послѣ рекогносцировки крѣпости, я воспользовался стогами крѣпости, сложенными въ большомъ количествѣ на пушечный выстрѣлъ отъ крѣпости и въ ту же ночь выстроилъ, незамѣченный съ крѣпости, сильную батарею подъ прикрытіемъ стоговъ. Неожиданная и незамѣченная батарея произвела въ крѣпости разрушительное дѣйствіе. Чтобы воспользоваться этими стогами, надо было рабочимъ и прикрытію переправиться черезъ быструю рѣчку Карсъ-чай: по необходимости нужно было перекинуть мостъ, который мнѣ удалось очень хитро устроить на аркѣ, утвердивъ для этого въ берегахъ подъ острымъ угломъ толстые деревянные брусья и по серединѣ соединивъ ихъ продольными брусьями: мостъ этотъ былъ такъ устойчивъ, что выдержалъ перевозку осадныхъ орудій. Занявъ первую удобную мѣстность для устройства первой нашей противу крѣпости батареи, я доложилъ Паскевичу, что, устраивая эту батарею, я еще не знаю, будетъ ли она служить началомъ правильной осады крѣпости, что нужно еще хорошенько съ крѣпостью познакомиться и тогда на чемъ нибудь положительномъ остановиться. На рекогносцировку слѣдующаго дня, находясь съ Паскевичемъ на одной изъ высотъ, окружающихъ Карсъ, Эспехо (который желалъ занять вакантную должность начальника инженеровъ, самъ инженеръ путей сообщенія, потерявшій довѣріе Паскевича послѣ требованія ста тысячъ на дорогу, которая, какъ оказалось, ничего не стоила, кромѣ 2 или 3 т. рабочихъ денегъ солдатамъ) указалъ рукою на мѣсто, удобное для устройства батареи не въ дальнемъ разстояніи отъ крѣпости. Я замѣтилъ, что какъ мы стоимъ на высотѣ, то можетъ случиться, что указываемая имъ высота имѣетъ впереди другую высоту, закрывающую ее отъ крѣпости; онъ сталъ увѣрять, что это было бы отсюда видно. Я потребовалъ отъ казака лошадь, сѣлъ на нее и сказалъ Эспехо: „я вамъ докажу, что я не вздоръ говорю“, поскакалъ на указанное мѣсто и нашелъ точно высоту ближе къ крѣпости, насъ отъ крѣпости закрывающую. Выстрѣлы съ крѣпости заставили меня во весь духъ возвратиться къ мѣсту, гдѣ находился Паскевичъ, который въ отсутствіе мое осуждалъ мою смѣлость, но по возвращеніи моемъ сказалъ Эспехо, что просить его не соваться не въ свое дѣло, что его неосновательное мнѣніе могло стоить жизни офицеру, которымъ онъ дорожить, и велѣлъ мнѣ устроить батарею, гдѣ я самъ изберу удобную для того мѣстность. Между тѣмъ я, проскакавъ къ самой крѣпости, замѣтилъ влѣво отъ мѣстности, гдѣ предполагалъ строить батарею, близъ самой крѣпости, непріятельскій лагерь и въ

небольшомъ отъ лагеря разстояніи кладбище. Назначая работу на избранномъ мною пунктѣ, я послалъ другой рабочей отрядъ съ прикрытіемъ егерей влѣво отъ себя, поручивъ капитану Шмидту избрать мѣстность лѣвѣе кладбища для устройства батареи въ шесть орудій, которая бы обстрѣливала лагерь подъ крѣпостью и самый сосѣдній съ моимъ фасъ крѣпости.

При наступленіи сумерекъ, по крутому берегу рѣки, прикрытый каменистыми утесами крутого берега, съ пятью піонерами, я пробрался къ мѣсту постройки укрѣпленія; свѣту еще достаточно было, чтобы я могъ разбить совершенно правильно свою батарею, обозначивъ кольями всю ея трасировку и направленіе амбразуръ. Поставивъ своихъ піонеровъ на исходящіе углы, мы въ совершенной темнотѣ ожидали молча, въ 150 саж. отъ крѣпости, рабочаго отряда и прикрытія, которыхъ долженъ былъ привести Николай Муравьевъ. Для встрѣчи отряда и распредѣленія его по работамъ я отошелъ отъ трасировки по направленію къ лагерю и когда услыхалъ приближеніе отряда, старался его остановить за нѣсколько сажень отъ батареи: но это оказалось невозможнымъ, потому что Муравьевъ велъ отрядъ ночью подъ крѣпость не въ колоннѣ, а развернутымъ фронтомъ, такъ что, остановивъ лѣвый флангъ колонны, правый, не слыша команды, подвигался впередъ, кричать же подъ крѣпостью на такомъ близкомъ разстояніи было неудобно и очень опасно. Случилось то, что правый флангъ, пока я успѣлъ его остановить (разсмотрѣвши, что отрядъ идетъ развернутымъ флангомъ) сбиль всѣ точки, обозначавшія части батареи и направленіе амбразуръ: остались только исходящіе углы, на которыхъ поставлены были піонеры. Я былъ въ отчаяніи, зная, что уже батарея моя не можетъ быть вѣрно поставлена: работа не могла идти успѣшно, оттого, что рабочіе пришли поздно, а батарею нужно было строить изъ земляныхъ мѣшковъ на скалистой мѣстности, насыпая мѣшки землею изъ овраговъ: однимъ словомъ, къ свѣту моя батарея оказалась никуда негоднымъ блиномъ, благодаря опытности генерала Муравьева, уже тогда прославившагося на Кавказѣ. Къ разсвѣту пріѣхалъ начальникъ штаба Сакенъ. Я объяснилъ ему свое горе и неудачу, сказавъ при этомъ, что у меня есть предположеніе, которое можетъ намъ покорить крѣпость, попросилъ разрѣшенія отправиться на лѣвый флангъ нашихъ осадныхъ работъ и позволенія направить куда найду нужнымъ войска, выдвинутая для прикрытія работъ. Сакенъ благословилъ меня знаменіемъ креста, какъ имѣлъ обычай дѣлать это при всякомъ случаѣ. Вскочивъ на первую лошадь попавшагося мнѣ на глаза казака, я поскакалъ приводить въ исполненіе задуманное предпріятіе, когда увидѣлъ, что батарея моя не отвѣчаетъ своей цѣли и много уже терпитъ отъ выстрѣ-

ловъ крѣпостныхъ. По дорогѣ къ батарее Шмидта я встрѣтилъ Донскую конную артиллерію Полякова и 42 егерскій полкъ Реута, велѣлъ имъ слѣдовать со мною, а самъ поскакалъ на услышанные выстрѣлы. Спускаясь въ оврагъ, я нашелъ въ оврагѣ полкъ Миклашевскаго съ егерями 41 полка, которыхъ толпа Турокъ преслѣдовала отъ крѣпости и, разстрѣлявши вѣроятно свои заряды, бросала въ нихъ камнями. Закричавъ егерямъ: назадъ! приказалъ артиллеріи Полякова выскакать и вмѣстѣ съ 42 Реута полкомъ обратилъ вспять Турецкую толпу, преслѣдовалъ ее до крѣпости и вошелъ за нею въ крѣпость, не позволивъ ей зайти въ свой лагерь. Паскевичъ пріѣхалъ на построенную мною батарею, когда я уже былъ съ Миклашевскимъ, Реутомъ и Поляковымъ въ крѣпости. Онъ сердился, говорятъ, на меня за дерзкое предпріятіе, грозилъ отдать подъ судъ того, кто зачалъ это дѣло, намекая этимъ на начальника штаба Сакена, которому уже начиналъ не довѣрять и завидовать его популярности, но вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ атаковать Карсъ со всѣхъ сторонъ, что легко было исполнить, когда мы уже были въ крѣпости и занимали собою весь гарнизонъ. Не менѣе того, это распоряженіе облегчило намъ взятіе Карса. Послѣ часовой рѣзни въ улицахъ и на площадяхъ крѣпость сдалась безусловно, а цитадель, въ которой еще держался гарнизонъ, сдалась на капитуляцію, заключенную съ полкомъ Леманомъ, посланнымъ отъ Паскевича съ предложеніемъ цитадели выпустить ея гарнизонъ съ оружіемъ, куда угодно будетъ Турецкому начальству его отправить.

Тутъ долженъ рассказать, почему я нашелъ Миклашевскаго съ горстью застрѣльщиковъ въ оврагѣ, когда обратилъ его вмѣстѣ съ полкомъ Реута на преслѣдованіе Турокъ до самой крѣпости. Пославъ наканунѣ рабочій отрядъ съ капитаномъ Шмидтомъ влѣво отъ своихъ работъ, я ему говорилъ, чтобы онъ поставилъ свою батарею лѣвѣе кладбища: не знаю, почему онъ построилъ ее прямо противъ него. Турки къ утру изъ лагеря заняли кладбище, и отъ близкаго огня ихъ затруднялась наша работа. Миклашевскій, командовавшій прикрытіемъ, вытѣснилъ стрѣлками своими Турокъ изъ кладбища и погналъ ихъ въ лагерь; тогда вылазка изъ гарнизона, занявшая лагерь, въ свою очередь обратила вспять Миклашевскаго съ 80 человекъ застрѣльщиковъ и, преслѣдовавъ его, вогнала въ оврагъ, куда я явился на выручку Миклашевскаго. Впослѣдствіи Миклашевскій хотѣлъ себѣ приписать весь успѣхъ дѣла, тогда какъ его нерасчитанное увлеченіе могло стоить жизни горсти храбрыхъ, еслибы я совершенно неожиданно не пришелъ ему на выручку.

Когда послѣ занятія Карса я пріѣхалъ къ Паскевичу, находившемуся еще на батарее, нашелъ его веселымъ и чрезвычайно доволь-

нымъ такимъ покореніемъ крѣпости съ потерю самаго незначительнаго числа людей, онъ приказалъ привезти ящикъ Шампанскаго и началъ пить здоровье Сакена. Сакенъ отклонилъ отъ себя успѣхъ и предложилъ выпить за здоровье траншей-полковника Бурцова. Тотъ прямо указалъ на меня, какъ на виновника, котораго главнокомандующій, вмѣсто суда, поздравляетъ съ блестящей ему доставленной побѣдой. Эта борьба сдѣлала только то, что мы все возвратились въ лагерь веселые послѣ многихъ бокаловъ, безъ счету выпитыхъ. Побѣда такая, какъ взятіе сильно укрѣпленной и по мѣстности мало доступной крѣпости, имѣла большое вліяніе на ходъ всей остальной кампаніи 1828 года.

По взятіи Карса, отъ неосторожности съ вещами, взятыми въ крѣпости, открылась въ войскѣ чума сперва между плѣнными Турками, а потомъ и въ войскахъ. Сейчасъ учреждены строгіе карантинны, больные отдѣлены, и мы болѣе мѣсяца безъ дѣла простояли подъ Карсомъ, ожидая прекращенія чумы. Это обстоятельство задержало нѣсколько успѣхъ и безъ того успѣшной кампаніи. Выступивъ въ Іюль въ концѣ изъ подъ Карса по дорогѣ къ Ахалцыху, послѣ одной ночи осады Ахалкалаха, мы разрушили его стѣну и взяли крѣпость штурмомъ. Отъ Ахалкалаха по дорогѣ безъ выстрѣла я съ Раевскимъ занялъ крѣпость Хертымъ: оригинально то, что мы переговаривались о сдачѣ крѣпости одни съ Раевскимъ въ сопровожденіи драгуна и казака, въ однихъ рубашкахъ по случаю невыносимой жары. При занятіи крѣпости у насъ не было ни одного человѣка пѣхоты. Дивизионъ драгунъ и сотня казаковъ безъ выстрѣла покорили крѣпость: такъ еще свѣжа была память покоренія Карской твердыни.

Августа 4-го расположились мы лагеремъ на берегу рѣки Куры, верстахъ въ пяти отъ Ахалцыха. По прибытіи къ Ахалцыху получено было извѣстіе объ одновременномъ съ нами прибытіи 30-ти т. корпуса Кагаи-паши на защиту крѣпости. На другой день Паскевичъ выступилъ изъ лагеря къ крѣпости для рекогносцировки. Подъ всеми крѣпостями мы дѣлали ее безпрепятственно, но подъ Ахалцыхомъ были встрѣчены большею частію прибывшихъ наканунѣ Турецкихъ подкрѣпленій. Завязалось сраженіе, въ началѣ котораго Паскевичъ послалъ меня съ ротой піонеръ и батальономъ егерей при двухъ орудіяхъ устроить на высотѣ лѣваго фланга нашей позиціи редутъ. Не успѣлъ я начать работу, какъ долженъ былъ въ каре отбивать нападенія кавалеріи, нѣсколько разъ удачно отбиваемыя ружейнымъ огнемъ батальона Миклашевскаго и орудіями гвардіи арт. Черневцакаго. Какъ только отбитыя атаки позволили намъ вздохнуть, я принялся за работу редута: но прежде чѣмъ я успѣлъ его окончить, подъ вечеръ, еще большая масса налетѣла на насъ и безъ необыкновенно удачной стрѣльбы Черне-

вещкаго уничтожила бы насъ. Двѣ такія атаки были отбиты картечью, но завидѣвъ третью, усиленную на насъ атаку, Паскевичъ послалъ къ намъ въ помощь Раевского съ двумя дивизіонами Нижегородскихъ драгунъ. Мой редутъ, Черневекій и драгуны отбили и эту атаку, и Раевскій преслѣдовалъ атакующихъ нѣсколько верстъ. Этимъ кончилось дѣло 5 Августа. Мы сохранили свою позицію; гдѣ только нападали на насъ Турки, тамъ мы ихъ отбили; они потерпѣли большой уронъ, но и у насъ выбыло изъ строя довольно людей. Черневеккаго, отличнаго офицера, гранатою въ грудь разметало на мелкіе куски. Сраженіе кончилось къ вечеру, и мы, прогнавши непріятеля въ крѣпость и за крѣпость, возвратились въ лагерь съ убѣжденіемъ, что встрѣченный нами непріятель не позволитъ легко овладѣть крѣпостью. Паскевичъ черезъ Боржомское ущелье послалъ въ Грузію подвинуть къ намъ форсированнымъ маршемъ подкрѣпленія. Потери подъ Карсомъ отъ штурма, чумы и болѣзней уменьшили численность отряда. По списочному состоянію подъ Ахалцыхомъ у насъ не было болѣе 11 или 12 т. всѣхъ родовъ войска. Мы же знали, что гарнизонъ Ахалцыха состоялъ изъ 10 т., да вспомогательный корпусъ изъ 30 т.; надо было дѣйствовать осторожно и по возможности съ меньшею потерей людей. Отъ 5 до 8 ч. вечера мы оставались спокойно въ лагерѣ; одинъ, можно сказать, я дѣйствовалъ и бодрствовалъ, осматривалъ крѣпость со всѣхъ сторонъ днемъ, а гдѣ нельзя было днемъ, то ночью. 8 числа Паскевичъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ предложилъ слѣдующій вопросъ: оставаться ли подъ Ахалцыхомъ или возвратиться къ своимъ границамъ черезъ Боржомское ущелье и, получивъ подкрѣпленіе, снова идти на Ахалцыхъ. Присутствуя на совѣтѣ, я предложилъ, въ виду затруднительной стоянки подъ Ахалцыхомъ, по невозможности отдѣлять изъ лагеря сильные отряды на фуражировку, затруднительной по случаю вспомогательнаго Турецкаго корпуса, втрое насъ сильнѣе стоявшаго подъ крѣпостью и также нуждающагося въ продовольствіи, нынѣшнею же ночью внезапно напасть на Турокъ и заставить ихъ бросить свой лагерь и освободить насъ отъ своей, какъ бы сказать, блокады. Въ успѣхъ предпріятія я ручался. Турецкій лагерь отстоялъ отъ насъ верстахъ въ десяти, отдѣленный отъ насъ въ верстѣ отъ своего лагеря глубокимъ оврагомъ, идущимъ отъ крѣпости въ извилистомъ направленіи. Для перехода этого оврага я предложилъ привезти съ собою бревна, чтобъ перекинуть мостъ черезъ оврагъ. Движеніе наше должно было быть какъ можно скрытно, ночью, чтобы еще ночью устроить переходъ черезъ оврагъ и съ разсвѣтомъ неожиданно напасть на спящихъ Турокъ. Предложеніе мое всѣми единодушно было принято, и Паскевичъ приказалъ мнѣ распорядиться такъ, чтобы начать наше дви-

женіе въ 12 часовъ ночи. Наваливъ на арбы бревенъ и досокъ для устройства моста въ десять сажень, я пустилъ арбы за отрядомъ, а самъ поскакалъ за проводникомъ, чтобы избрать мѣсто для моста. Къ оврагу мы пришли прежде свѣта, въ самое удобное время для нашей работы; но къ удивленію моему Паскевичъ приказалъ войскамъ стать на избранной имъ высотѣ противу крѣпости, и чтобы не производить шума, не приказалъ постройки моста черезъ оврагъ. Такимъ образомъ мы въ совершенномъ бездѣйствіи простояли до свѣта часа два. Люди отдыхали; между тѣмъ какъ начало только разсвѣтать, Турки изъ крѣпости и лагеря заняли пѣхотою вправо отъ насъ оврагъ, а кавалерія насъ обскакала со всѣхъ сторонъ. Не прошло часа послѣ разсвѣта, какъ мы были окружены со всѣхъ сторонъ. Тогда Паскевичъ, видя опасность своего положенія, послалъ 42-й егерскій полкъ выгнать Турокъ изъ оврага. Дѣло началось около пяти часовъ утра, и до пяти часовъ вечера мы оврага занять не могли, не смотря на то, что послано было три полка для его отбитія у Турокъ. Потеря наша была огромная, уже насчитывалась тысяча человекъ убитыхъ и раненыхъ. Самъ Паскевичъ дѣйствовалъ артиллеріею съ высоты, на которой такъ безразсудно расположился, стрѣлялъ изъ орудій въ крѣпость и въ кавалерію, насъ окружавшую. Нѣсколько часовъ послѣ начала дѣла Паскевичъ былъ довольно спокоенъ, но потомъ пришелъ въ какое-то бѣшенство и отчаяніе, ругалъ всѣхъ, говорилъ, что его завели въ ловушку, чтобы уничтожить его славу, всѣхъ подходившихъ къ нему съ совѣтомъ или за приказаніемъ прогонялъ отъ себя, однимъ словомъ совершенно растерялся и ничего не предпринималъ. Сакенъ рѣшился къ нему не подходить и держался въ отдаленіи отъ него. Я довольно спокойно на все это смотрѣлъ, находясь все время близъ Паскевича, видѣлъ, какъ онъ отъ усталости сѣлъ къ орудію, повернувшись ко мнѣ спиною. Тогда у меня блеснула счастливая мысль какимъ нибудь смѣлымъ предпріятіемъ ободрить главнокомандующаго. Я закричалъ: казакъ, лошадь! вскочилъ на нее и, ни слова никому не сказавъ, поскакалъ вдоль занятаго Турками оврага, обскакалъ оврагъ въ карьеръ, возвратился къ Паскевичу и соскочилъ съ лошади прямо противъ него, уже стоявшаго на ногахъ и слѣдящаго за мною. „Оврага этого взять невозможно“, сказалъ я ему. „Такъ что же дѣлать“? спросилъ онъ. Я ему указалъ на люнетъ, передовое укрѣпленіе крѣпости и сказалъ: „Надо взять штурмомъ этотъ люнетъ, тогда оврагъ будетъ вашъ, неприятельскій лагерь вашъ и затѣмъ въ непродолжительномъ времени Ахалцыхъ вашъ“. — „Но кого же я пошлю штурмовать?“, сказалъ Паскевичъ. Выходка моя противъ оврага, потомъ разговоръ съ Паскевичемъ возбуждали всеобщее любопытство, всѣ начальники по этому случаю собра-

лись около Паскевича, и я, отвѣчая на вопросъ его, указалъ на полковника Бородина, бывшаго его адъютанта и командовавшаго Ширванскимъ полкомъ и сказалъ: „Пошлите полковника, онъ вырветъ у непріятеля это укрѣпленіе“. Паскевичъ спросилъ у Бородина, какъ онъ объ этомъ думаетъ; тотъ, зная характеръ Паскевича, какъ бы въ разсѣяніи спросилъ: какое укрѣпленіе, в. с., и послѣ указанія ему на люнетъ, прибавилъ: ну, его можно взять мимоходомъ. „Съ Богомъ“, сказалъ на это ободрившійся Паскевичъ. Тутъ я остановилъ его рѣшимость и просилъ дать знать Муравьеву (который для прикрытія вагенбурга стоялъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ насъ), чтобы онъ придвинулся къ крѣпости и въ то время, когда съ одной стороны Ширванскій полкъ пойдетъ атаковать, онъ повелъ бы свою бригаду туда же съ другой стороны: отъ совокупнаго ихъ дѣйствія нельзя имѣть сомнѣнія въ успѣхѣ. „Кого же я пошлю?“, сказалъ Паскевичъ, Турецкая кавалерія занимаетъ дорогу къ Муравьеву“. — „Позвольте мнѣ взять двухъ казаковъ, я съ ними какъ нибудь проскачу до Муравьева и поведу его на штурмъ люнета“, отвѣчалъ я, и когда я приказывалъ подвести мнѣ лошадь и казаковъ, Паскевичъ во всеуслышаніе отдалъ мнѣ слѣдующее приказаніе: „Поѣзжайте къ Муравьеву и скажите ему, чтобы, приблизившись къ крѣпости, онъ для штурмованія люнета соображалъ свое движеніе съ движеніемъ Ширванскаго полка; старайтесь избѣгнуть опасности сами; вы нужны для арміи“. Послѣ этого Сакенъ меня перекрестилъ. Толпы Турецкой кавалеріи окружили насъ, раздѣленные довольно значительными интервалами. Я, указавъ казакамъ интервалы, въ которые они должны были проскакать, отдалъ имъ приказаніе, которое нужно передать Муравьеву, самъ въ избранный мною интервалъ полетѣлъ какъ стрѣла на великолѣпномъ моемъ Кабардинскомъ скакунѣ, котораго ни одна лошадь не могла обскакать. Распорядился я такъ, чтобы, если кого изъ насъ ранятъ или убьютъ, приказаніе было передано; я не предвидѣлъ возможности, чтобы троихъ насъ скакавшихъ убили. Вышло, что все трое мы благополучно доскакали до Муравьева, не смотря на выстрѣлы и преслѣдованіе насъ. Я опередилъ своихъ казаковъ и, передавъ буквально приказаніе Паскевича, совѣтовалъ Муравьеву не придерживать буквы приказанія, съ мѣста идти штурмовать люнетъ, чтобы не случилось неожиданной отмѣны (чего можно было всегда ожидать отъ Паскевича). Муравьевъ, совершенно согласный со мною, быстро повелъ свою бригаду; не останавливаясь, бросился на люнетъ: передъ самымъ люнетомъ вся бригада присѣла и потомъ съ крикомъ „ура“ бросилась на него, въ то время какъ я съ находившимися у Муравьева казаками обскакалъ люнетъ съ горжи. Такимъ образомъ ни одна душа не спаслась: кто не былъ заколотъ, тотъ не избѣжалъ

плѣна. При этомъ убитъ командиръ бригады генералъ Корольковъ. Отъ люнета я поскакалъ къ Паскевичу съ донесеніемъ о нашихъ трофеяхъ и встрѣтилъ Ширванскій полкъ, шедшій на подвигъ, нами совершенный. Бородинъ выразилъ сожалѣніе, что я отнялъ отъ его полка побѣду, но всетаки отъ души поздравилъ меня съ нею. Паскевича я нашелъ совершенно ободрившагося и отдающаго приказанія Раевскому преслѣдовать Турокъ, оставлявшихъ занимаемый ими лагерь. Послѣ того, какъ мы безплодно потеряли отъ пяти часовъ утра до пяти часовъ вечера болѣе 1000 человекъ убитыми и ранеными, въ одинъ часъ времени мы завладѣли люнетомъ и въ немъ взяли 20 орудій. Турки бросили оврагъ, лагерь, свои орудія и бѣжали безъ оглядки. Въ лагерь захвачено 30 орудій, палатки и все Турецкое имущество. Въ люнетѣ Раевскимъ во время преслѣдованія захвачено до 2 тысячъ плѣнныхъ. Успѣхъ, никѣмъ неожиданный, придавалъ смѣлости начальствующимъ лицамъ. Такъ, возвратившись на занятый люнетъ въ сумеркахъ, чтобы обратить огонь люнета на крѣпость, я засталъ выстраивающійся тамъ Ширванскій полкъ. Паскевича, который туда же пришелъ, я спросилъ, куда идетъ полкъ: онъ отвѣчалъ, что Бородинъ хочетъ идти съ полкомъ въ крѣпость. „Это было бы неблагоразумно теперь, сказалъ я, потому что прошло много времени послѣ отогнанія Турокъ въ крѣпость, и въ ночное время трудно атаковать приготовленный къ сопротивленію гарнизонъ“. Паскевичъ приказалъ распустить полкъ, и мы довольствовались на эту ночь устройствомъ изъ люнета сильнаго укрѣпленія противу крѣпости. Распорядившись работами, я, изнемогшій отъ утомленія послѣ нѣсколькихъ ночей безъ сна проведенныхъ легъ, завернувшись въ плащъ, между принесенными для работъ турами и фашинами и такъ крѣпко заснулъ подъ мелко крапывающимъ дождемъ, что проспалъ болѣе сутокъ. Въ продолженіи дня меня по призыву Паскевича вездѣ отыскивали, и никто не догадался меня искать на люнетѣ, котораго я не покидалъ и, проснувшись отъ своего богатырскаго сна, разбилъ въ немъ свою палатку. Отъ 9 до 15 Августа устроены были еще двѣ батареи, которыя непрерывно дѣйствовали разрушительно на крѣпость. 14 Паскевичъ потребовалъ сдачи Ахалцыха, предлагая для гарнизона выгодныя условія: не успѣвъ въ переговорахъ, онъ назначилъ на другой день штурмъ. 15 числа былъ полковой праздникъ Ширванскаго полка; послѣ молебствія Паскевичъ объявилъ полку, что онъ назначилъ его штурмовать Ахалцыхъ. Я долженъ былъ съ ротою пионеровъ, вооруженныхъ длинными топорами, идти впереди атакующей колонны, рубить палисадъ, устроенный очень прочно для защиты рва изъ твердаго дерева. Штурмъ назначенъ былъ въ четыре часа по-

полудни, когда обыкновенно Турки послѣ обѣда своего кейфуютъ, т. е. спятъ или отдыхаютъ растянувшись.

Въ четыре часа пѣсенники и барабанный бой двинувшейся колонны встревожили Турокъ, не ожидавшихъ нападенія. Я съ Бородинымъ первые перелѣзли черезъ палисадъ, за нами застрѣльщики съ подполковникомъ Юдинымъ. Сапѣры начали рубить палисадъ для пропуска атакующаго Ширванскаго полка. Въ то время какъ Бородинъ перелѣзалъ черезъ палисадъ, выстрѣлъ въ упоръ попалъ ему между ногъ и въ одно мгновеніе лишилъ его жизни. Я со стрѣлками и сапѣрами вышелъ на площадь и, занявъ половину площади, сталъ устраивать ложементъ. Закуривъ маленькую свою трубку, расхаживалъ я по работѣ и ободрялъ людей, на которыхъ сыпались пули. Въ моихъ глазахъ повалился капитанъ Соломка, я снялъ съ него саблю и привязалъ ее себѣ на память, имѣя сверхъ того свою шашку; отнесъ съ двумя пионерами раненаго, какъ полагалъ. Соломку на перевязочный пунктъ и только что возвратился къ работѣ, почувствовалъ сильный ударъ въ спину; взглянувъ на грудь и увидавъ кровавый ручей, вытекающій изъ нея, зажалъ рукой рану и пошелъ на только что упомянутый перевязочный пунктъ. Силы достало у меня только, чтобы дойти до перевязки, но потомъ упадокъ силъ дошелъ до того, что я не могъ ни однимъ членомъ пошевелить и упалъ лишенный совершенно возможности пальцемъ пошевелить, но не лишенный ни чувства, ни памяти. Меня наскоро перевязали, положили на солдатскую шинель, и четыре солдата понесли меня по счастью недалеко въ люнетъ, гдѣ была разбита моя палатка. По дорогѣ изъ крѣпости меня встрѣтилъ Д. Е. Сакенъ, шедшій въ крѣпость, спросилъ кого несутъ, ему меня назвали, онъ подошелъ къ носилкамъ, перекрестилъ меня и пошелъ далѣе.

Въ палаткѣ я лежалъ какъ пластъ, съ сохраненіемъ чувства и памяти, но въ совершенномъ безсиліи пошевелить членомъ или открыть глаза. Пока меня несли, перевязка моя сползла, и кровь съ обѣихъ концовъ раны текла безостановочно. Я только чувствовалъ, что лежу въ мокротѣ, но не могъ никакимъ образомъ дать объ этомъ знать приведенному, по приказанію Паскевича Леманомъ, главному доктору Зубову съ цѣлымъ сонмомъ докторовъ, съ приказаніемъ непременно меня спасти. Доктора эти рѣшили, что для меня нѣтъ спасенія, что если еще не совсѣмъ вѣрно, что я умеръ, то черезъ полчаса долженъ умереть. Я все это слышалъ и думалъ: врите вы, я чувствую, что во мнѣ жизнь сохранится. Пробывъ у меня нѣсколько минутъ и ничего не сдѣлавъ со мною, они меня оставили. Тогда я услышалъ голосъ Философова, прибѣжавшаго ко мнѣ со своимъ недавно къ нему поступившимъ изъ Виленскаго университета докторомъ Барташевичемъ; я

слышалъ ихъ разговоръ съ Зубовымъ, какъ Зубовъ сказалъ, что мнѣ остается жизни не болѣе какъ на полчаса, что они не хотѣли меня тревожить. Барташевичъ сказалъ, что пока живъ человѣкъ, обязанность врача употребить все зависящія отъ него средства для поданія помощи, хотя бы даже для облегченія послѣднихъ минутъ жизни. вмѣстѣ съ Философовымъ и Барташевичемъ доктора вошли опять ко мнѣ, Барташевичъ перевязалъ мою рану, заложивъ корпіею раны и пустилъ кровь изъ правой руки. Когда пошла кровь, я почувствовалъ какъ оживаю; все что накопилося у меня въ горлѣ отлегло, и мнѣ стало легче дышать, но слабость и безсиліе оставались тѣже, если еще не увеличились. Мнѣ хотѣлось пожать руку Барташевичу въ знакъ благодарности; я думалъ, что я это сдѣлалъ, но не доставало силъ исполнить желаніе. Доктора ушли, но Барташевичъ оставался для наблюденія за мною. Послѣ открытія крови я тотчасъ заснулъ: не знаю сколько времени я спалъ, но проснувшись я увидалъ передъ собою Барташевича и съ усиліемъ сказалъ ему слабымъ голосомъ нѣсколько словъ благодарности.

Не припомню хорошенько, сколько времени я лежалъ больной въ палаткѣ, гдѣ меня очень многіе изъ начальниковъ и товарищей навѣщали. Послѣдніе очередовались у меня на дежурствѣ въ облегченіе безсмѣннаго дежурнаго Богдановича. Когда меня изъ палатки перенесли въ Ахалцыхъ, я еще былъ такъ слабъ, что всякій разъ послѣ перевязки, для которой меня на нѣсколько минутъ подымали, впродолженіи часа и болѣе меня мучила одышка, какъ послѣ какого либо тяжкаго труда. Пока Паскевичъ оставался въ Ахалцыхъ, меня лѣчилъ его докторъ Силичъ, а когда Паскевичъ за войсками отправился въ Тифлисъ и въ Ахалцыхъ оставался въ гарнизонѣ Тифлисскій полкъ и комендантомъ Бебутовъ, при мнѣ оставлены были Богдановичъ и батальонный нашъ докторъ Яроцкій. Четыре мѣсяца я оставался въ Ахалцыхъ, болѣе трехъ въ постели, а четвертый мѣсяць пробовалъ свои силы, выходилъ иногда посидѣть на солнышко подлѣ своей сакли. Ко мнѣ переѣхалъ оставшійся за болѣзнью въ госпиталѣ Нижегородскаго драгунскаго полка маіоръ Семичевъ. Поправлялся я чрезвычайно медленно и былъ все время на строгой діетѣ. Табачнаго духа не могъ выносить и когда Семичевъ, накурившись на улицѣ, возвращался въ комнату, то запахъ отъ его платья мнѣ былъ противенъ, и я просилъ его пойти провѣтрить свое платье. Все дѣйствовало раздражительно на мои нервы. Когда Богдановичъ выплевывалъ кожицу виноградную, производя языкомъ и губами звукъ, мнѣ было это такъ противно и такъ болѣзненно отзывалось въ моей ранѣ, что я просилъ Богдановича уходить подальше ѣсть свой виноградъ. Сожители мои хвалили мнѣ

вкусъ грушъ. Я спросилъ Яроцкаго, можно ли ихъ ѣсть, онъ разрѣшилъ мнѣ по-грушѣ въ день; когда я ихъ попробовалъ, онѣ мнѣ такъ пришились по вкусу, что я ихъ ѣлъ по десятку заразъ, не спросясь у доктора и всегдашній ихъ запасъ имѣлъ подъ подушкою. Можно сказать, что одними грушами нѣсколько дней питался, и онѣ, можетъ быть, способствовали къ возвращенію аппетита, а съ нимъ вмѣстѣ къ постепенному возвращенію силъ, такъ что въ Декабрѣ мѣсяцѣ я собрался возвратиться въ Тифлисъ, гдѣ меня ожидала награда за мои подвиги. Бухарины мнѣ прислали коляску, и я въ концѣ Декабря въ сопровожденіи Семичева, Богдановича и Яроцкаго, подъ конвоемъ казаковъ, отправился въ Тифлисъ, при всемъ нетерпѣніи моемъ медленно къ нему подвигаясь черезъ Боржомское ущелье и черезъ Гори, гдѣ полковой командиръ Бурцовъ встрѣтилъ меня съ распростертыми объятіями и познакомилъ меня съ женою, милою и привлекательною женщиною.

Медленное мое путешествіе ежедневно приближало меня къ предмету пламенной моей любви. Занятія мои не мѣшали мнѣ пользоваться всѣми случаями и посылать восторженные грамотки въ Тифлисъ, отвѣты на которыя хранились у меня на груди и зачастую перечитывались. Съ постепеннымъ возвращеніемъ силъ возвращалось и нетерпѣніе приблизиться къ предмету моей страсти. Богдановичъ и Семичевъ не позволяли мнѣ торопиться, боясь утомленія для возвращающагося здоровья. Нервное раздраженіе становилось день ото дня слабѣе. Въ одинъ изъ переѣздовъ Семичевъ, сидѣвшій подлѣ меня въ коляскѣ, попросилъ позволенія закурить трубку; попробуй, на воздухѣ можетъ быть мнѣ не будетъ противно, отвѣтилъ я, и когда Семичевъ закурилъ, я попросилъ у него трубки затянуться, и съ тѣхъ поръ возвратился ко мнѣ вкусъ къ табаку. Въ Ахалцыхѣ, когда еще главная квартира находилась тамъ, меня часто посѣщали Сакенъ, Гильден..., Бурцовъ, Вольховскій, однимъ словомъ всѣ главные дѣятели. Разсуждая между собою около постели больного, они дошли до заключенія, что за взятіе Ахалцыха мнѣ нечего дать, развѣ Государь произведетъ меня въ генералы; тогда я имъ сказалъ, чтобы они успокоились насчетъ того, что мнѣ давать нечего, что меня Государь можетъ произвести въ поручики (я тогда уже получилъ чинъ подпоручика). Всѣ этому засмѣялись, какъ обстоятельству невозможному, потому что прежде взятія Ахалцыха я уже былъ нѣсколько разъ представляемъ къ наградамъ, которыя должны были мнѣ доставить полковничій чинъ и всевозможные кресты. Я самъ изъ шутки указалъ имъ на чинъ поручика и потому, возвращаясь въ Тифлисъ, всетаки ожидалъ себѣ великихъ и богатыхъ милостей, а болѣе всего желалъ себѣ густыхъ эполетъ, въ которыхъ бы могъ явиться къ моему предмету. Полный надеждъ и упованій въ будущее въѣхалъ

я въ Тифлисъ вечеромъ прямо въ занятую для меня Вольховскимъ квартиру, безъ указанія моего взятую недалеко отъ моего предмета.

Послѣ переѣзда изъ Ахалцыха въ Тифлисъ я такъ былъ утомленъ, что долженъ былъ нѣсколько дней оставаться въ постели. Посѣщенія меня беспокоили, и Яроцкій сидѣлъ на стражѣ и никого ко мнѣ не допускалъ. Нѣсколько дней, а можетъ быть и цѣлая недѣля такъ прошла; наконецъ я вскочилъ на ноги, одѣлся и отправился къ сосѣдкѣ, отъ которой къ удивленію моему получилъ выговоръ, что не пустилъ ее ухаживать за мною больнымъ, но что теперь я долженъ знать, что только на ночь могу уходить домой, весь день долженъ быть у нихъ, она будетъ наблюдать за моею пищею и за необходимымъ для меня спокойствіемъ; тогда только узналъ я, что Яроцкій никого ко мнѣ не пускалъ, даже и ту, которую видѣть съ такимъ нетерпѣніемъ мнѣ хотѣлось, и больно было, что она съ своей стороны не дѣлала къ тому попытки.

Паскевичъ присылалъ часто узнавать о моемъ здоровьѣ, и потому когда я имѣлъ столько силъ, чтобы переходить отъ себя къ Бухаринымъ и цѣлые дни тамъ проводить, мнѣ невозможно было не представиться къ Паскевичу. Для этого я выбралъ табельный день въ Январѣ 1829 года, кажется день рожденія Михаила Павловича. Всѣ у Паскевича собрались въ парадной формѣ, я пришелъ въ сюртукѣ безъ эпoletъ, съ лѣвою рукою на перевязкѣ. Паскевичъ вышелъ и вѣроятно подъ впечатлѣніемъ моего скромнаго наряда среди людей въ звѣздахъ и лентахъ, сказалъ пріятную рѣчь для меня, но оскорбительную для всѣхъ собравшихся у него. Послѣ освѣдомленія о моемъ здоровьѣ, обращаясь ко всѣмъ, онъ сказалъ: „Voilà un officier avec lequel on gagne des batailles *); это не то какъ вы, которые только носите мундиръ“. Рѣчь эта вмѣсто удовольствія произвела во мнѣ досаду на Паскевича: онъ могъ бы сказать мнѣ что либо пріятное, не оскорбляя другихъ, которые всѣ до одинаго служили отлично и заслуживали всякаго вниманія отъ него. Публичное оскорбленіе это всѣми было осуждено, и вѣроятно самъ Паскевичъ не разъ раскаивался, но слова своего воротить не могъ; отпуская всѣхъ и меня, просилъ беречь свое здоровье для предстоящихъ новыхъ трудовъ. Тутъ же объявилъ я ему, что не чувствую себя въ силахъ служить новую кампанію и прошу его разрѣшенія ѣхать лечиться къ водамъ минеральнымъ. „Еще не время, отвѣчалъ онъ, а тогда посмотримъ“. Заявивши Паскевичу свое намѣреніе уѣхать изъ арміи, я готовился въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ исполнить мое намѣреніе. Я долженъ былъ ѣхать на воды не одинъ: предметъ моей

*) Вотъ офицеръ, съ которымъ выигрываются сраженія.

страсти долженъ былъ туда же ѣхать, чтобы ухаживать за больнымъ и съ нимъ тогда не разлучаться. Сколько наслажденій обѣщало это соединеніе на нѣсколько мѣсяцевъ двухъ страстно влюбленныхъ. Е. И. стала обращаться со мною какъ съ нѣжнымъ растеніемъ; все было обѣщано на то время какъ здоровье мое возстановится. Совмѣстное пребываніе на водахъ должно было положить конецъ моей тревогѣ. Понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ я ожидалъ весны, не для пожинанія новыхъ лавровъ, а для успокоенія моихъ сердечныхъ тревогъ.

На мѣсто умершаго Сипягина назначенъ былъ Стрекаловъ военнымъ губернаторомъ Тифлиса. Онъ часто приглашалъ меня къ себѣ на обѣдъ и на партію виста, кормилъ хорошо и былъ очень пріятный хозяинъ дома. Однажды за обѣдомъ на замѣчаніе мое, что ничего не можетъ быть лучше хорошаго обѣда, онъ сказалъ, что онъ полагаетъ, что часъ времени съ Б—ой послѣ обѣда лучше самаго обѣда. Это меня взбѣсило. Я всталъ изъ стола и сказалъ, что не позволю такъ легко говорить о моей родственницѣ, которая никому не дала права ее обижать, и защита ея лежитъ на моей обязанности. Я вышелъ отъ Стрекалова, сказавъ, что нога моя не будетъ въ его домѣ пока не получу отъ него удовлетворенія за обиду нанесенную имъ Бух. Стрекаловъ, видя, что не на шутку меня обидѣлъ, черезъ нѣсколько дней пришелъ ко мнѣ и просилъ его извинить. Короткость Бух. со мною подавала поводъ дѣлать самыя обидныя для нея заключенія, но онъ вѣритъ моимъ словамъ насчетъ ея невинности и потому готовъ просить у меня извиненія въ присутствіи тѣхъ, при которыхъ легко выразился на счетъ моихъ отношеній съ Бух., для чего просить меня на завтра къ нему обѣдать и пригласить къ нему всѣхъ свидѣтелей своей неловкости. Мы поцѣловались, и я, совершенно успокоенный, могъ на обѣдѣ у Стрекалова возстановить репутацію Бух., прибавивъ къ словамъ Стрекалова нѣсколько своихъ въ защиту любимой женщины. Она узнала объ этомъ, но не отъ меня и была мнѣ признательна за мое заступничество; ей сказали, что я дѣлалъ вызовъ военному губернатору и что тотъ просилъ у меня прощенія, но этотъ эпизодъ сдѣлалъ наши отношенія болѣе сдержанными. Я чаще сталъ навѣщать общество, хотя день оканчивалъ у Е. И.; она должна была мнѣ наливать вино, котораго я въ ротъ не бралъ не изъ ея рукъ, но такъ какъ это происходило въ присутствіи супруга, а иногда и постороннихъ людей, то все было прикрыто приличіемъ; одно только пожатіе руки всегда было многозначительное и всеобъщающее.

Продолжая свой тревожный отдыхъ въ Тифлисѣ, я дѣлалъ приготовленія къ отъѣзду на Кавказскія воды, но случилось не то, чего я такъ пламенно желалъ. Въ Февралѣ мѣсяцѣ меня однажды вызвали изъ

за партіи виста у Стрекалова къ главнокомандующему. Явившись къ нему въ двѣнадцатомъ часу ночи, я засталъ его разъяреннаго на Грузинскаго князя Эристова, генерала нашей службы. Паскевичъ ругалъ его за медленное формированіе Грузинской милиціи, которую по полученіи въ тотъ же вечеръ извѣстія отъ кн. Бебутова объ осадѣ Турками Ахалцыха онъ хотѣлъ послать къ Ахалцыху. По прибытіи моемъ Паскевичъ сообщилъ мнѣ объ этомъ извѣстіи, выслалъ князя Эристова изъ кабинета и спросилъ моего совѣта, какъ ему въ этомъ случаѣ поступить. Я только что у Стрекалова съ Бурцовымъ говорилъ о возможномъ нападеніи Турокъ на Ахалцыхъ, гдѣ Бебутову былъ оставленъ очень слабый гарнизонъ. „Бурцовъ здѣсь, сказалъ я Паскевичу, полкъ его и артиллерійская бригада стоятъ въ Гори, нѣсколько переходовъ отъ Ахалцыха; пошлите Бурцова къ Ахалцыху и будьте увѣрены, что онъ выведетъ изъ бѣды Бебутова“. Паскевичъ послалъ за Бурцовымъ и приказалъ ему тотчасъ же отправиться къ полку и выступить съ нимъ и артиллерійскою ротою къ Ахалцыху на выручку Бебутова. Предложилъ мнѣ отправиться вмѣстѣ съ Бурцовымъ, но я просилъ его меня еще очень слабого не употреблять въ дѣло, гдѣ одного Бурцова съ его отвагою и знаніемъ дѣла достаточно для благополучнаго его рѣшенія. Паскевичъ къ великому моему удивленію не настаивалъ, и я на этотъ разъ очень благополучно избавился отъ необходимости оставить Тифлисъ.

Все случилось, какъ я сказалъ Паскевичу. Бурцовъ очень скоро выступилъ съ полкомъ, принудилъ Турокъ снять осаду и вошелъ со своимъ отрядомъ въ Ахалцыхъ, откуда доносилъ, что Турки въ большомъ количествѣ собираются около крѣпости, что онъ посылаетъ изъ крѣпости отряды, которые имѣли противъ нихъ удачныя стычки и всегда не допускали ихъ удержаться на близкомъ разстояніи. Мартъ и Апрѣль прошелъ для Паскевича въ тревогѣ за Ахалцыхскій отрядъ. Онъ получалъ постоянно извѣстія о большихъ сборищахъ Турокъ и частыхъ стычкахъ съ гарнизономъ. Въ Маѣ назначено было выступить главной квартирѣ къ Карсу. Передъ выступленіемъ я однажды вечеромъ пришелъ къ Паскевичу просить отпуска на Кавказскія воды; но онъ и слышать не хотѣлъ о моемъ отъѣздѣ изъ арміи, сказалъ мнѣ, что я для него необходимъ, что безъ меня у него какъ у Самсона отрѣзаны волосы, на что я ему отвѣчалъ, что не могу по слабости своего здоровья дѣлать походъ какъ солдатъ, что мнѣ нужны крытый экипажъ, теплая палатка и наконецъ прислуга, что на это у меня нѣтъ средствъ. „Ну за этимъ дѣло не станетъ; довольно тебѣ 1000 червонцевъ“, и вынулъ мнѣ эти деньги. „Покорно благодарю, сказалъ я, позвольте мнѣ дать вамъ росписку въ этихъ деньгахъ“. — „Не нужно, отвѣ-

чалъ онъ: это Государь тебѣ даетъ". — „Отъ царской милости я отказаться не смѣю и буду еще служить, сколько силъ достанетъ, но прошу васъ обѣщать мнѣ отпустить меня по взятіи Арзерума для пользованія водами хотя позднимъ курсомъ". — „Это я тебѣ обѣщаю, съ Богомъ, приготовляйся къ походу: черезъ нѣсколько дней мы должны выступить къ Карсу, Панкратьевъ оттуда доносить мнѣ, что сераскиръ собираетъ армию въ сто тысячъ противъ слабаго его отряда и уже выступилъ изъ Арзерума".

Все для меня еще не было потеряно: я не сомнѣвался, что черезъ мѣсяць мнѣ можно будетъ возвратиться въ Тифлисъ и въ Іюль быть на водахъ. Тотчасъ я занялся приготовленіями къ походу, кушилъ себѣ коляску, палатку, катеровъ для вьюковъ, навьючилъ ихъ 11 штукъ, везъ съ собою кирпичи, изъ которыхъ складывалась печь въ палаткѣ, вытребовалъ себѣ въ конвой 15 казаковъ, которые вели моихъ катеровъ и верховыхъ двухъ лошадей. Бурцовъ прислалъ мнѣ подъ коляску четверку лошадей, деньщикъ сдѣлался кучеромъ, а Степанъ камердинеръ и поварь. Въ концѣ Мая вмѣстѣ съ Паскевичемъ выѣхалъ я изъ Тифлиса, гдѣ оставилъ не надолго всѣ свои радости и надежды.

До выступленія въ новый походъ всѣ получили награды по представленію Паскевича; я получилъ Анну на саблю и чинъ поручика. Когда вышли награды, меня встрѣтилъ Анрепъ и спросилъ, что я получилъ за Карсъ. „Не знаю, отвѣчалъ я, вѣроятно что нибудь неважное, потому что никто меня не извѣстилъ о наградѣ. А вы что получили?" спросилъ я Анрепа. „Георгія 4-й степени", отвѣчалъ онъ. „Ну въ такомъ случаѣ вѣроятно мнѣ дали тотъ же крестъ 4-ей степени, мнѣ за то, что взялъ крѣпость, а вамъ за преслѣдованіе изъ крѣпости бѣгущаго гарнизона". Но не Георгія, а Анны 4-й степени на саблю была мнѣ насмѣшка Николая Павловича. Но Богъ съ нимъ; я тогда нисколько не думалъ о наградахъ, онъ меня отучилъ на нихъ рассчитывать: я думалъ только какъ бы поскорѣе оставить службу, а до тѣхъ поръ сколько можно болѣе принести собою пользы для вновь открывавшейся кампаніи, которая обѣщала намъ встрѣчу съ непріятелемъ въ открытомъ полѣ. Крѣпости уже были всѣ взяты, нужно было взять незащищенную столицу Азіатской Турціи---Арзерумъ и тамъ заключить выгодный для насъ миръ.

Паскевичъ далъ мнѣ въ эту кампанію новое порученіе: развѣдываніе о непріятелѣ и расходование экстраординарной суммы на лазутчиковъ.

По прибытіи въ Карсъ мы нашли отрядъ Панкратьева расположенный лагеремъ въ одномъ переходѣ отъ Карса къ Арзеруму; тотчасъ же подтвердилось извѣстіе, что сераскиръ выступилъ изъ Арзерума, и кромѣ того черезъ Ардаганъ прошелъ значительный отрядъ къ

Ахалцыху для дѣйствія противъ Бурцова. Паскевичъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ положено было отдѣлить отъ Карскаго отряда Муравьева, который долженъ, соединившись съ Бурцовымъ, разбить Турокъ и отогнать ихъ отъ Ахалцыха. Чтобы произвести большій эффектъ, назначено выступить всему отряду изъ Карса къ Ахалцыху, послѣ двухъ переходовъ отдѣлить Муравьева, а Паскевичу возвратиться къ Карсу, гдѣ ожидать извѣстій отъ Бурцова и объ движеніи сераскира. На совѣтѣ этомъ мнѣніе Сакена приведено было въ исполненіе, и Паскевичъ, сдѣлавши два перехода къ Ахалцыху, отдѣлилъ Муравьева на помощь Бурцову, а самъ возвратился въ Карсъ, гдѣ мы и ожидали извѣстій изъ Ахалцыха. Начальникъ штаба Сакенъ былъ съ Паскевичемъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, но въ Тифлисѣ случилось происшествіе, которое посѣяло подозрѣніе въ Паскевичѣ противу Сакена. Приходъ почты въ Тифлисѣ, какъ вездѣ въ провинціи, составлялъ предметъ живаго интереса, и я часто по полученіи почты отправлялся къ Сакену и помогалъ ему ее разбирать, распечатывалъ газеты и указывалъ ему на статьи, которыя могли его интересовать. Однажды, разсматривая *Journal des Débats*, я указалъ ему на одну корреспонденцію изъ Петербурга, гдѣ между прочимъ было сказано о Паскевичѣ, что онъ самыхъ обыкновенныхъ способностей, успѣхъ его кампаній, Персидской и Турецкой, нужно приписать способностямъ его начальника штаба и многихъ лицъ, посланныхъ на Кавказъ за участіе ихъ въ заговорѣ 14 Декабря. Сакенъ долженъ былъ относить журналъ и газеты къ Паскевичу; я совѣтывалъ ему скрыть № съ означенной статьею, зная подозрительность Паскевича; но Сакенъ, какъ рыцарь благородства, сказалъ, что это не будетъ достойно всего его откровеннаго поведенія съ Паскевичемъ; что напротивъ онъ укажетъ ему на эту статью, которую нельзя никому другому приписать, какъ завистникамъ его въ Петербургѣ. Какъ сказано, такъ и сдѣлано; но тогда Сакенъ мнѣ сказалъ, что очень жалѣеть, что не послушался моего благоразумнаго совѣта, что послѣ этой статьи онъ не узнаётъ Паскевича: вмѣсто прежней съ нимъ откровенности у него какая-то натянутость въ отношеніи съ нимъ, но онъ надѣется, что это пройдетъ, и подозрѣнія Паскевича будутъ парализованы открытыми его дѣйствіями.

Дней десять послѣ отдѣленія отъ насъ Муравьева, онъ прислалъ къ Паскевичу реляцію своей побѣды вмѣстѣ съ Бурцовымъ: у Турокъ отбиты знамена, вся артиллерія, множество забрано въ плѣнъ и весь корпусъ ихъ разсѣянъ такъ, что подъ Ахалцыхомъ нѣтъ непріятеля и онъ вмѣстѣ съ Бурцовымъ возвращается въ Карсъ на соединеніе съ Паскевичемъ. Кажется, что нужно бы было праздновать побѣду и стрѣлять изъ крѣпостныхъ орудій, но вмѣсто того Паскевичъ разра-

зился необыкновеннымъ гнѣвомъ на Сакена и Вольховскаго, упрекая ихъ въ томъ, что они своею интригою вырвали у него побѣду, а когда возвратились Муравьевъ и Бурцовъ, онъ вмѣсто солдатскаго имъ „спасибо“ сталъ критиковать ихъ маневры и выговаривать имъ значительную потерю людей, которая напротивъ была ничтожная. Тѣмъ и кончилось покуда, но потомъ неудовольствіе это разразилось страшною бурей и, коснувшись всѣхъ дѣятелей, наконецъ обрушилось и на меня, что будетъ видно изъ послѣдовательнаго моего разсказа.

Такъ какъ въ эту кампанію я имѣлъ у себя лазутчиковъ и развѣдываніе о непріятелѣ, то, не довѣряя всегда лазутчикамъ, я съ линейными казаками дѣлалъ ночные поиски на непріятеля, и Паскевичъ всегда зналъ отъ меня, гдѣ находится сераскирь и когда онъ можетъ съ нимъ встрѣтиться. Паскевича очень заботилъ переходъ черезъ Саганлугскія горы, отдѣляющія Карсъ отъ Арзерума. Съ сотнею линейныхъ Гребенскихъ казаковъ я прошелъ эти горы и ничего затруднительнаго для движенія арміи по нимъ не нашелъ, одинъ только спускъ съ горъ къ Арзеруму могъ нѣсколько замедлить наше движеніе. Прямо противъ спуска этого расположился сераскирь, а лѣвѣе отъ него, отдѣленный глубокимъ оврагомъ, стоялъ лагерь въ урочищѣ Мили-дюзь Гани-паша со своимъ отрядомъ. Наканунѣ нашего движенія черезъ Саганлугъ я ночью объѣхалъ позицію сераскира, проѣхалъ по лагерю Гани-паша и совершенно ознакомленный съ мѣстностью, во время движенія арміи направилъ Бурцова съ Херсонскимъ полкомъ и двумя орудіями лѣвѣе оврага противъ лагеря Гани-паша въ урочище Мели-дюзь. Муравьевъ, выдвинутый впередъ противъ сераскира, имѣлъ приказаніе, занявъ позицію, не начинать дѣла до прибытія Паскевича. Между тѣмъ, когда выстроился Муравьевъ на своей позиціи, видно было, что Турки устраиваютъ себѣ прикрытіе изъ множества каменьевъ, разбросанныхъ по полямъ. Чтобы воспрепятствовать имъ укрѣпиться, нужно было, вопреки приказанію Паскевича, выдвинуть впередъ Муравьева. Во время самаго движенія подѣхалъ Паскевичъ и уже сердитый на Муравьева и Сакена послалъ приказаніе Муравьеву остановиться. Я, находясь при этой колоннѣ, отвѣчалъ, что остановиться нельзя по причинѣ невыгодной позиціи и остановилъ ее тамъ, гдѣ колонна могла удобно обстрѣливать непріятельскіе завалы. Паскевичъ, видя, что Муравьевъ двигается несмотря на его приказаніе остановиться, снова посылаетъ грозное приказаніе, которое вынудило меня самому ему донести о необходимости этого движенія впередъ. Къ удивленію моему онъ благодушно меня выслушалъ и приказалъ мнѣ сказать Муравьеву, чтобы онъ, занявъ позицію, не открывалъ огня до его приказанія; но прежде чѣмъ я возвратился къ Муравьеву онъ уже открылъ огонь по непріа-

телю, который со своей стороны стрѣлялъ по насъ изъ всѣхъ своихъ заваловъ. Скоро пріѣхалъ Паскевичъ, которому уже не оставалось нужды отдавать приказанія. Во время самой жаркой перестрѣлки съ обѣихъ сторонъ вниманіе всѣхъ обращено было на Бурцова, выстроившаго свои батальоны въ каре, чтобы устоять противъ атаки 10 т. или 12 т. Турецкой кавалеріи, бросившейся на него; былъ моментъ, что мы думали, что Бурцовъ пропалъ, за дымомъ была видна только несущаяся толпа всадниковъ, но когда дымъ разсѣялся, къ удивленію всѣхъ Бурцовскіе каре стояли въ порядкѣ, и толпа уносилась мимо нихъ лѣвѣе въ ущелье горъ. Всѣ помимо воли кричали у насъ „ура“. Въ то время какъ еще собиралась гроза на Бурцова, я просилъ Паскевича послать Раевского съ кавалеріей отрѣзать Турокъ отъ лагеря; но онъ послалъ Раевского черезъ оврагъ, когда уже Турки проскакали влѣво отъ каре Бурцова. Кавалерія, замедливъ переходомъ черезъ глубокой оврагъ, не могла настичь Гани-пашу и подобрала въ плѣнь однихъ отсталыхъ человѣкъ до 200. Между тѣмъ какъ Паскевичъ продолжалъ перестрѣливаться съ сераскиромъ, пріѣхалъ къ намъ Бурцовъ съ донесеніемъ о своемъ молодецкомъ дѣлѣ. Подъѣзжая къ Паскевичу, спросилъ онъ его: „Изволили видѣть, в. с., какъ отличался Херсонскій полкъ (который до командованія имъ Бурцовымъ не пользовался хорошою репутаціею на Кавказѣ)?“ — „Да, отвѣчалъ Паскевичъ, но по моему это не такъ; нужно было трахъ, трахъ и трахъ“, говоря этимъ, что нужно было этимъ каре съ барабаннымъ боемъ атаковать Турецкую кавалерію. Бурцовъ по привычкѣ своей почесалъ носъ и отѣхалъ отъ Паскевича, не сказавъ ему на это ни слова; но если бы Бурцовъ хоть на одинъ шагъ подвинулъ свои каре, то Турецкая кавалерія ихъ бы изрубила, потому что онъ былъ одинъ пѣхотинецъ противъ четырехъ или пяти конныхъ.

Въ арміи находился академикъ Машковъ, который всегда слѣдовалъ за нашими движеніями и рисовалъ все, что встрѣчалось любопытно; такъ и теперь онъ для своего рисунка взобрался на какую-то высоту сзади нашей позиціи, откуда вся мѣстность расположенія сераскира была у него какъ на ладони. Въ то время какъ мы перестрѣливались, онъ прискакиваетъ во весь духъ къ Паскевичу и объявляетъ ему, что сераскиръ ушелъ, что онъ съ высоты, гдѣ рисовалъ, видѣлъ страшную пыль, которая постепенно удалялась къ Арзеруму. Казалось бы послѣ этого извѣстія слѣдовало сейчасъ приказать движеніе впередъ, но Паскевичъ приказываетъ прекратить пальбу, людямъ варить кашу и только черезъ часъ посылаетъ Сакена съ кавалеріею преслѣдовать непріятеля. Кавалерія, которая уже нѣсколько часовъ гналась за Гани-пашей, утомила своихъ лошадей, и Сакенъ долженъ былъ, пройдя съ нею версть 10, забравъ до 800 человѣкъ отсталыхъ, остановиться и

донести Паскевичу, что онъ остановился по невозможности двигаться впередъ на изнемогающихъ лошадяхъ, и думаетъ, что выгоднѣе сохранить кавалерію, чѣмъ набрать тысячу или двѣ плѣнныхъ, составляющихъ тягость для арміи. Донесеніе это привело Паскевича въ бѣшенство, онъ сейчасъ нарядилъ военный судъ изъ генераловъ, находящихся въ арміи и подъ предсѣдательствомъ Панкратьева велѣлъ судить своего начальника штаба въ 24 часа. Судъ опредѣлилъ строгій судъ Сакену за небуквальное исполненіе приказанія главнокомандующаго и вялое преслѣдованіе Турецкой кавалеріи: сверхъ того опредѣленъ ему домашній арестъ съ увольненіемъ отъ должности начальника штаба. Вотъ какъ отозвался на Сакенъ N. Journal des Débats.

Не смотря на то, что Паскевичъ оставилъ свою позицію на два часа послѣ того, какъ сераскиръ улепетывалъ въ Арзерумъ, казаки наши забрали все орудія, числомъ до 30-ти, Турками по дорогѣ брошенные и весь Турецкій обозъ, не успѣвшій догнать бѣгущихъ. Въ Гассанъ-кале (одинъ переходъ отъ Арзерума) назначены были дневка и сборъ всехъ отрядовъ, занятыхъ преслѣдованіемъ. Между тѣмъ, не упуская изъ виду лежащей на мнѣ обязанности развѣдыванія о непріятелѣ и составленія карты движенія впередъ, въ Гассанъ-кале я принесъ Паскевичу приготовленный маршрутъ отъ Эрзерума въ Трапезунтъ, гдѣ ожидала насъ добыча 11/м. мѣди. Паскевичъ меня встрѣтилъ словами: „И вы противъ меня интригуете?“ — „Изъ какого расчета? отвѣчалъ я, всего ожидаю отъ вниманія вашего ко мнѣ и по сіе время могу сказать, что служилъ вамъ со всемъ усердіемъ; но я догадываюсь, что подало поводъ в. с. меня заподозрить въ интригѣ; я увѣренъ, что вышедшій отсюда Раевскій передалъ вамъ то, что я говорилъ ему насчетъ ординарца вашего Абрамовича, который не стоитъ вашего вниманія и если считаетъ себя мною обиженнымъ, то я ему могу дать удовлетвореніе“. — „Какъ вы можете дурно отзываться о человѣкѣ, который пользуется моею довѣренностью?“ сказалъ мнѣ Паскевичъ. „Я не полагаю, чтобы такой трусъ, какъ Абрамовичъ, могъ пользоваться довѣренностью вашею и опять повторяю, что если Абрамовичъ чувствуетъ себя мною обиженнымъ, то я готовъ ему дать возможное удовлетвореніе и вмѣстѣ пришелъ просить васъ исполнить обѣщаніе отпустить меня послѣ взятія Эрзерума, а прежде сдачи моихъ бумагъ, прошу принять отъ меня составленный мною маршрутъ въ Трапезунтъ“. — „Кто вамъ приказывалъ составлять этотъ маршрутъ? Я знать не хочу о немъ и прошу, чтобы объ этомъ никто въ арміи не зналъ“. — „До сей поры на мнѣ лежала обязанность составлять карту движенія впередъ, и я полагаю, что, растянувши до Эрзерума операціонную линію, вамъ необходимо упереть ее къ морю, чтобы имѣть сообщеніе съ арміею

Дибича“. Тогда Паскевичъ перемѣнилъ тонъ разговора со мною, началъ опять мнѣ говорить „ты“ и старался всячески замѣть то непріятное имъ высказанное, но я вышелъ отъ него въ твердомъ намѣреніи въ Эрзерумъ съ нимъ разстаться. Отъ Паскевича я зашелъ къ Раевскому, который разсказалъ мнѣ свой разговоръ съ Паскевичемъ. Раевскій защищалъ Сакена и сказалъ между прочимъ, что въ числѣ окружающихъ Паскевича находятся подлецы и трусы, которые передаютъ ему небывалыя вещи. „Кто такой, назовите“. — „Да вотъ хоть Абрамовичъ. Пущинъ вчера мнѣ разсказывалъ, что онъ ѣхалъ съ нимъ въ одной экспедиціи, и Абрамовичъ находился все время съ нимъ впереди до встрѣчи съ непріателемъ и тогда, отъѣхавъ назадъ, сказалъ, что тутъ не его мѣсто, что ему не хочется получить пулю въ лобъ: на это войсковой старшина Александровъ сказалъ: видно молодець не надѣется за это дѣло получить награду. Раевскій удивился тому, что я догадался, что онъ разболталъ Паскевичу, на что я ему замѣтилъ, что не трудно было догадаться, потому что онъ извѣстный болтунъ въ арміи.

Обстоятельство это меня рѣшило во что бы то ни стало разстаться съ Паскевичемъ и плюнуть на всѣ его предложенія; я могъ это сдѣлать потому, что всѣ видѣли, въ какомъ еще болѣзненномъ состояніи я слѣдую за арміею единственно изъ любви къ искусству, безъ всякой надежды на вознагражденіе за мои труды.

Подойдя къ Эрзеруму, мы знали, что городъ не будетъ защищаться. За нѣсколько верстъ отъ города мы разбили лагерь и въ немъ всѣ шатры пашей взяты наканунѣ. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ въ городъ Турки прислали парламентовъ о сдачѣ города. Паскевичъ не хотѣлъ переговариваться пока сѣраскиръ и всѣ паши не пріѣдутъ къ намъ въ лагерь и только что они пріѣхали, онъ просилъ ихъ съ любезной предупредительностью занять свои шатры, сейчасъ же поставилъ къ нимъ часовыхъ и объявилъ ихъ военноплѣнными. Паши, кажется, того и желали, чтобы не быть въ отвѣтственности передъ своимъ правительствомъ. Посланъ былъ полкъ занять Эрзерумъ и отданъ былъ приказъ, чтобы никто безъ разрѣшенія изъ лагеря не ѣздилъ въ городъ. Передъ самымъ вечеромъ Паскевичъ отправился туда и приказалъ съ собою ѣхать адъютанту своему кн. Дадіану и мнѣ, дорогой шутилъ со мною, былъ очень любезенъ и говорилъ, что ежели я непременно хочу уѣхать, то онъ меня проситъ до отъѣзда сослужить ему еще одну службу: укрѣпить Эрзерумъ. „На это потребно будетъ столько времени, что я не успѣю къ водамъ: позвольте мнѣ составить проэктъ укрѣпленія, а исполненіе его поручите кому нибудь другому“. — „Я это такъ и понимаю“, сказалъ Паскевичъ. Я тотчасъ же принялся за работу, на которую, не смотря на всю поспѣшность, употребилъ болѣе недѣли. Когда

принесъ готовый проэктъ, возобновилъ свою просьбу объ отпускѣ, которая опять какъ бы удивила Паскевича; но онъ приказалъ Викинскому снабдить меня отпускомъ къ минеральнымъ водамъ на четыре мѣсяца, поручилъ при этомъ мнѣ препровожденіе пашей въ Тифлисъ, но въ самый день отправленія встрѣтилось затрудненіе, которое заставило меня обратиться къ Паскевичу. Викинскій не давалъ мнѣ казаковъ для препровожденія вьючныхъ моихъ катеровъ. Паскевичъ тоже съ перваго слова отказалъ мнѣ въ нихъ. Въ такомъ случаѣ я не могъ воспользоваться отпускомъ, потому что не имѣю возможности перевезти свои вещи съ однимъ деньщикомъ, а людей нанять въ Эрзерумѣ нѣтъ никакой возможности. Едва я не заплакалъ, и Паскевичъ, видя мое отчаяніе, сжалился надо мною и велѣлъ мнѣ дать казаковъ. Пока собирали въ дорогу пашей, прошло еще нѣсколько дней для испытанія моего терпѣнія. Въ это время Бурцовъ отправлялся въ экспедицію противу Лазовъ, приглашалъ меня идти съ нимъ, но я его поблагодарилъ, и въ этой экспедиціи онъ убитъ пистолетнымъ выстрѣломъ. Въ день выѣзда моего изъ лагеря я отъ Паскевича зашелъ проститься къ Сакену, котораго палатка стояла какъ зачумленная, довольно долго оставался у него, пока онъ писалъ письмо къ женѣ, а въ это время (какъ мнѣ послѣ сказали) Паскевичъ все поджидалъ моего выхода отъ Сакена. Вышедши отъ него, я сѣлъ на лошадь, не видавъ уже болѣе Паскевича и поскакалъ за выѣхавшими прежде пашами. Долго не забывалъ я того ощущенія моего, когда оставилъ лагерь Паскевича и всѣхъ мутившихъ его дразгъ. Какъ-то свободнѣе дышалось, а впереди представлялся какой-то рай, Тифлисъ и съ нимъ всѣ ожидаемая радости. Время было жаркое, конецъ Іюля или начало Августа, вечерній ароматическій воздухъ располагалъ къ душевнымъ наслажденіямъ, а сознаніе исполненной обязанности веселило сердце. Товарищи съ грустью со мною разстались и нѣкоторые проводили меня за нѣсколько верстъ. Съ большею частію изъ нихъ я простился навсегда и болѣе не встрѣчался на жизненномъ пути, немногіе изъ нихъ остались въ живыхъ. Прощаясь со мною, Паскевичъ былъ особенно любезенъ и между прочимъ сказалъ, чтобы я написалъ къ нему, если мнѣ въ чемъ встрѣтится нужда, что онъ всегда готовъ придти мнѣ на помощь: но, какъ увидимъ впоследствии, расположеніе это измѣнилось, когда онъ увидалъ, что я такъ долго передъ выѣздомъ оставался у Сакена (тогда еще арестованнаго и котораго всѣ клеветы Паскевича оставили). Абрамовичъ, котораго Сакенъ питалъ какъ змѣю у груди, первый былъ его предатель, переносилъ разговоры семейные, часто невыгодные на счетъ Паскевича. Я не уѣхалъ бы изъ арміи, если бы не такая неурядица. Слова Паскевича, сказанныя мнѣ въ Гассанъ-кале, рѣшили мой отъѣздъ.

Зная его характеръ, я не хотѣлъ давать разростись его неудовольствію на меня: лучше по моему добровольно его оставить, чѣмъ какъ Сакенъ, Вольховскій, Муравьевъ быть какъ-бы выгнаннымъ. Я надѣялся никогда не возвращаться на Кавказъ и послѣ четырехмѣсячнаго отпуска остаться по болѣзни на Кавказскихъ водахъ въ военномъ госпиталѣ, если нельзя будетъ иначе, а между тѣмъ просить отпуска въ Россію или за границу, если состояніе моего здоровья этого потребуетъ.

Общество пашей въ переѣздѣ меня развлекало. На вопросъ мой, сераскира, почему онъ, имѣя столько орудій, не употреблялъ ихъ или употреблялъ очень немногія, „да, отвѣчалъ онъ, я боялся, что какъ вы ихъ увидите, то сейчасъ и возьмете“. Вотъ странный способъ воевать: имѣть орудія съ собою и прятать ихъ отъ непріятеля. Съ пашами я ѣхалъ до карантинна на границѣ Грузіи, въ Гумрахъ; тамъ я долженъ былъ просидѣть три дня, а они три недѣли. Паскевичъ сдѣлалъ для меня это снисхожденіе, чтобы я не очень опоздалъ къ водамъ. Въ карантинъ пріѣхалъ ко мнѣ Яковъ Алексѣевичъ Потемкинъ, ѣхавшій въ дѣйствующую армію, наговорилъ мнѣ много комплиментовъ на счетъ моихъ извѣстныхъ далеко подвиговъ, спрашивалъ о Паскевичѣ и спросилъ меня, какъ я полагаю, гдѣ онъ его найдетъ. „Вѣроятно въ Эрзерумѣ, если не двинулся къ Бейруту на подкрѣпленіе Бурцову, куда онъ долженъ былъ выступить въ очень опасную экспедицію противъ Лазовъ, самого воинственнаго племени“. Потемкинъ спросилъ меня, не знаю ли я, есть ли у Паскевича предположеніе идти къ Трапезунду. „Сомнѣваюсь, отвѣчалъ я, чтобы онъ туда пошелъ, хотя всѣ данныя на то, чтобы непременно туда упереть нашу операціонную линію; знаю, что Паскевичъ считаетъ это движеніе очень опаснымъ, тогда какъ предпринялъ гораздо опаснѣйшее, къ Бейруту. Развѣ не хочетъ ли онъ сдѣлать диверсію Дибичу и идти на Константинополь черезъ Сивасъ; но на это у него не достанетъ отваги и средствъ, и подобное предпріятіе не можетъ увѣнчаться успѣхомъ. Паскевичъ, который такъ дорожитъ своею славою, однимъ этимъ движеніемъ совершенно бы ее утерять“.

Оставивъ пашей въ карантинѣ, я спѣшилъ прибытіемъ въ Тифлисъ, гдѣ столько наслажденій ожидало меня. Изъ Эрзерума я не предварилъ о своемъ пріѣздѣ, и потому оно было самое неожиданное для ожидавшихъ меня. На этотъ разъ я прямо пріѣхалъ къ Бух., гдѣ меня съ любовью пріютили... Пріѣхавъ, какъ полагалъ, на нѣсколько дней, я продлилъ блаженное время болѣе двухъ недѣль и вѣроятно такъ бы скоро не уѣхалъ, еслибы не замѣтилъ рождающихся подозрѣній мужа: онъ рѣшительно воспротивился отъѣзду со мною моей кузины, которой и горячія слезы не помогли. Предлогъ былъ у нея тотъ, что съ водъ

недалеко ей провѣдать своихъ родныхъ въ Севастополѣ. Ко времени моего выѣзда изъ Тифлиса пріѣхалъ изъ арміи Дороховъ, получившій отпускъ въ Россію. Онъ предложилъ мнѣ совершить вмѣстѣ переѣздъ на воды; я согласился, но съ условіемъ, что при первой его дракѣ съ людьми я его оставляю. Въ день отъѣзда мнѣ было обѣщано устроить такъ, что мужъ отпустить на воды, и время пребыванія вмѣстѣ не опредѣлялось; обѣщано сколь возможно подъ различными предлогами его продлить. Легко мнѣ было съ такими надеждами выѣхать изъ Тифлиса вмѣстѣ съ Дороховымъ, оставивъ своего повара закупать разныя вещи для дороги и съ человѣкомъ Дорохова нагнать насъ въ Душетъ, гдѣ мы будемъ ихъ ожидать. Поздно вечеромъ люди пріѣхали, а мы часовъ десять прежде. Каково было мое удивленіе, когда я увидѣлъ, что Дороховъ бьетъ по щекамъ своего человѣка за то, что онъ заставилъ себя такъ долго ждать, а когда тотъ сослался на Степана и Степанъ началъ выставлять свои резоны, Дороховъ и его принялся хлестать. Послѣ этого я приказалъ запрягать свой экипажъ и сѣдлатъ лошадей и, объявивъ Дорохову, что оставляю его, потому что онъ не исполнилъ условія, отправился ночью же далѣе и одинъ доѣхалъ до Владикавказа, гдѣ нужно было ожидать оказіи, чтобы ѣхать далѣе по Кабардѣ. На другой же день моего пріѣзда во Владикавказъ является Пушкинъ, также возвращавшійся изъ Эрзерума и изъ любопытства дѣлавшій съ нами кампанію 29 года. Я очень обрадовался этому товариществу и просилъ Пушкина у меня остановиться; но онъ отказался, потому что пріѣхалъ вмѣстѣ съ Дороховымъ (который боялся ко мнѣ идти), просилъ меня простить его и ручался за него, что онъ не будетъ болѣе нарушать условіе, а между тѣмъ въ немъ такъ много цинической граціи, что сообщество его очень будетъ для насъ пріятно. Я согласился на просьбу Пушкина, и Дороховъ пришелъ ко мнѣ съ комической длинной рожей и просилъ прощенія, говоря: впередъ никогда не буду. Тогда я предложилъ ему другой ультиматумъ: не играть съ Пушкинымъ въ карты во все время нашего переѣзда на воды. Оба на это согласились. Пушкинъ говорилъ, что займется съ нами распиваніемъ ящика рейнвейна, который Раевскій отпустилъ ему на дорогу. На это я охотно согласился, и мы не оставили ни одной бутылки до пріѣзда нашего на Горячія Воды. Веселая была наша бесѣда за бутылкою вина отличнаго во все время нашего медленнаго движенія за конвоемъ пѣхотнымъ съ однимъ орудіемъ до Екатеринодара. Мы все желали нападенія горцевъ, но ни одного даже издали не видали. Это было время успѣха нашего оружія, и горцы на время присмирѣли и изъ ущельевъ своихъ носу не показывали. Изъ Екатеринодара мы уже скоро переѣхали въ Горячеводскъ, и я тотчасъ пошелъ осматривать источники и къ доктору Кон-

ради, чтобы получить отъ него наставленіе пользованія водами. Квартиру я занялъ въ домѣ Реброва, лучшемъ тогда на водахъ. По возвращеніи домой я засталъ Пушкина съ Дороховымъ и еще Павловскаго полка офицеромъ Астафьевымъ, играющихъ въ банкъ. На замѣчаніе мое, что они не исполняютъ условія, Пушкинъ отвѣчалъ, что условіе ими свято выполнено, потому что оно дано было на время переѣзда къ водамъ. Онъ былъ правъ, и мнѣ оставалось только присоединиться къ ихъ игрѣ. Астафьевъ порядочно всѣхъ насъ на первый же разъ обдурилъ. Пушкинъ имѣлъ 1000 червонцевъ, которые взялъ у Раевского и говорилъ, что прежде чѣмъ Астафьевъ ихъ у него выиграетъ, онъ его обчиститъ порядочно, но черезъ нѣсколько дней я уѣхалъ въ Кисловодскъ по совѣту доктора. Пушкинъ обѣщалъ скоро ко мнѣ пріѣхать; я сомнѣвался въ этомъ и совѣтовалъ ему не играть съ Астафьевымъ, къ которому вѣроятно всѣ его деньги перейдутъ. Вышло, что Пушкинъ пріѣхалъ ко мнѣ прежде, чѣмъ я его ожидалъ, но пріѣхалъ безъ гроша денегъ, всѣ свои деньги проигралъ Астафьеву и какому-то Сарапульскому городничему Дурову. Конечно Астафьевъ и Дуровъ послѣдовали за Пушкинымъ и поселились довольно далеко отъ насъ въ Солдатской слободкѣ. У меня была четверка лошадей, изъ которыхъ одна по очереди сѣдлалась для Пушкина, который любилъ ѣздить верхомъ. Я замѣтилъ ему однажды, что онъ слишкомъ много гоняетъ лошадей, которыя, будучи на подножномъ корму, слабосильны; тогда Пушкинъ признался мнѣ, что онъ ѣздитъ только въ Солдатскую слободку и бьетъ мелкимъ огнемъ Астафьева и Дурова, т. е., проигравши имъ 1000 червонцевъ, выигрываетъ съ нихъ по нѣскольку червонцевъ въ день. Я ему предсказывалъ, что весь свой выигрышъ, наигранный въ нѣсколько дней, онъ разомъ оставитъ имъ въ одинъ прекрасный день. Узналъ я это тогда, когда онъ попросилъ у меня 50 червонцевъ, ѣхавши къ своимъ злодѣямъ на игру.

Первый разъ когда я пришелъ къ Нарзану, подошелъ ко мнѣ рекомендоваться кавалегардскій офицеръ Петръ Вас. Шереметевъ, съ которымъ я сошелся, и мы очень часто сходились, живши въ одномъ домѣ. Шереметевъ, какъ богатый человѣкъ, жилъ роскошно и всегда угощалъ насъ тонкими обѣдами, сервированными на серебрѣ. Однажды я спросилъ у него, почему онъ захотѣлъ первый со мною познакомиться. Оттого, сказалъ онъ, что какъ только вы пришли къ источнику, я замѣтилъ на васъ Брейтигамовскіе сапоги и сказалъ себѣ: вотъ долженъ быть порядочный человѣкъ. И точно, съ тѣхъ поръ какъ въ 1816 году я произведенъ въ офицеры, всегда Брейтигамъ, а впоследствии принявшій его фирму Пелль, шили мнѣ сапоги, которые посылались въ Сибирь и на Кавказъ. На водахъ былъ съ нами Лазаревъ,

который ухаживалъ за женою Никиты Всеволодскаго, урожденной Хованской. Замѣтивъ это, я старался огадить вонючаго Армяшку хорошенькой и миленькой женщиной; но всѣ мои старанія были напрасны: она свихнулась и уѣхала вмѣстѣ съ нимъ странствовать. Я очень былъ радъ отъѣзду Лазарева, которому тоже неловко было со мною встрѣчаться послѣ того, какъ однажды въ Тифлисѣ онъ что-то сказалъ обидное для меня и Демьяна Искрицкаго въ квартирѣ Лемана у него за ужиномъ, и Леманъ, желая намъ дать полное удовлетвореніе, заставилъ Лазарева ползкомъ отъ двери до насъ черезъ всю комнату умолять нашего прощенія. Ему какъ съ гуся вода, а мнѣ всегда совѣстно было на него смотрѣть.

Поздно осенью Пушкинъ съ Дуровымъ уѣхали въ Москву, и конечно Дуровъ дорогою такъ его обчистилъ, что Пушкинъ долженъ былъ въ Новочеркасскѣ у атамана Иловайскаго занять денегъ, чтобы съ нимъ рассчитаться. 50 червонцевъ, что взялъ у меня на дорогу, ему не стало до земли Донскихъ казаковъ. Дороховъ и Шереметевъ также уѣхали, я остался одинъ и легко согласился на приглашеніе Мак. Мак. Таубе пріѣхать провести зиму у него въ Георгіевскѣ. Таубе служилъ у Ив. Ал. Набокова, зналъ сестру мою, и жена его Варвара Васильевна очень была къ ней привязана. Въ своемъ домѣ они окружили меня всевозможными попеченіями, какъ еще больному отдали самую лучшую комнату. Всякій вечеръ Таубе, Сулима, артил. капитанъ, и я играли въ бостонъ, и Сулима порядочно насъ обобрагъ, играя превосходно въ коммерческія игры, но скоро мы лишились партнера самымъ плачевнымъ образомъ. Сулима командовалъ батареею, самъ жилъ въ Георгіевскѣ, а батарея расположена была въ селеніи за нѣсколько верстъ: селеніе раздѣлялось большимъ оврагомъ, переѣздъ былъ черезъ мостъ, зимой образовались на этомъ мосту большіе раскаты, и Сулима, переѣзжая мостъ, такъ раскатился со своими санями, что перила не удержали, и онъ обрушился въ глубокій оврагъ, гдѣ разможилъ себѣ голову. Кучеръ и лошади вмѣстѣ съ нимъ найдены не живыми. Извѣстіе это чуть не убило молодую его жену, которую мы старались всячески утѣшать; скоро за нею пріѣхали родные и увезли ее изъ Георгіевска.

Въ Горячеводскѣ я познакомился съ генераломъ Мерлинымъ и съ оригинальной его супругою, Екатериною Ивановною, женщиной уже немолодой.

Въ Декабрѣ возвращался генералъ Прянишниковъ съ бригадою своею въ Россію. Въ Георгіевскѣ у него была дневка, онъ остановился у меня; въ день выступленія, рано поутру, онъ радовался солнцу и хорошей погодѣ, ожидая благополучнаго перехода 40 верстъ къ ставкѣ,

пропустилъ свою бригаду впередъ, а самъ выѣхалъ въ коляскѣ. Нѣсколько часовъ позже, только что онъ насъ оставилъ, пошелъ снѣгъ и поднялась страшная вьюга. Таубе, который зналъ послѣдствія вьюги въ степи, предсказывалъ бѣду для Прянишникова, и точно, на другой день мы узнали, что Прянишниковъ объѣхалъ бригаду уже отыскивающую занесенную дорогу; онъ поспѣшилъ къ мѣсту привала, зажегъ какія-то строенія и тѣмъ спасъ большую часть людей, спѣшившихъ на дымъ. Пятсотъ человѣкъ у него пропало, занесено снѣгомъ, а другіе пятсотъ поступили въ госпиталь съ отмороженными членами. Два уланскіе офицера, ѣхавшіе на Кавказъ, вмѣстѣ съ лошадьми, найдены мертвыми, занесенные снѣгомъ. Бѣдствіе это произвело большое уныніе въ Георгіевскѣ, куда нѣсколько дней сряду привозились трупы. Это обстоятельство вновь разбудило во мнѣ желаніе скорѣе оставить Кавказъ. Четырехмѣсячный срокъ моего отпуска кончался; я написалъ Паскевичу, напомнилъ ему его разрѣшеніе адресоваться къ нему въ своихъ нуждахъ, просилъ отпуска къ минеральнымъ водамъ за границу, а если нельзя, то къ искусственнымъ въ Москву. Долго не получалъ отвѣта, и пока я его ожидалъ изъ Тифлиса, проѣхали оттуда Вольховскій, а потомъ Сакенъ, и оба мнѣ говорили, что Паскевичъ не хочетъ меня отпускать въ Россію. Послѣ этого извѣстія я написалъ Викинскому и просилъ его доложить Паскевичу мою къ нему убѣдительную просьбу объ отпускѣ. Въ Февралѣ 1830 года Викинскій мнѣ отвѣчалъ, что фельдмаршалъ приказалъ мнѣ сказать, что по письмамъ въ службѣ ничего не дѣлается. Я послалъ тогда прошеніе на высочайшее имя, въ которомъ просилъ отпуска въ Москву на четыре мѣсяца. Между тѣмъ написалъ въ Петербургъ о всемъ происходящемъ со мною. Кн. И. Л. Шаховской имѣлъ случай просить Николая Павловича о моемъ отпускѣ, и тотъ разрѣшилъ мнѣ его безсрочно до излѣченія раны. Пока это происходило въ Петербургѣ, Викинскій мнѣ прислалъ отказъ Паскевича подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ не имѣетъ права ходатайствовать о моемъ отпускѣ, такъ какъ я принадлежу къ злоумышленникамъ 14 Декабря. Черезъ почту, по полученіи отказа отъ Паскевича, я получаю отпускной билетъ—безсрочный отпускъ въ Москву по высочайшему разрѣшенію. Билетъ этотъ въ Маѣ мѣсяцѣ привезъ мнѣ Мальцовъ, возвращавшійся изъ Тегерана послѣ ужаснаго избіенія нашей миссіи; онъ спасся тѣмъ, что подкупленный имъ хозяинъ дома, гдѣ онъ жилъ, спряталъ его на чердакѣ въ сундукъ. Я хотѣлъ тотчасъ же съ Мальцовымъ ѣхать, но пришло извѣстіе, что Паскевичъ ѣдетъ въ Петербургъ и заѣзжаетъ на воды, куда я съ Марта мѣсяца переѣхалъ изъ Георгіевска. Мнѣ не хотѣлось выѣзжать съ Кавказа не простившись съ Паскевичемъ: не безъ труда я уговорилъ Мальцова подождать Паске-

вича. Ожиданіе было недолгое. Паскевичъ скоро пріѣхалъ и остановился въ вокзалѣ. На другой день всѣ военные ему представлялись; изъ числа представившихся я да арт. полк. Кузнецовъ были въ сюртукахъ, и мы стояли вмѣстѣ. Паскевичъ, обходя всѣхъ, спросилъ о его здоровьѣ, на меня не взглянулъ и прошелъ далѣе; когда всѣхъ распустилъ, удалился по амфиладѣ въ крайнюю комнату. Я рѣшился за нимъ туда слѣдовать, чтобы узнать наконецъ отъ него, за что такая немилость и не оставлять у него какого либо неудовольствія на меня безъ объясненія. Я нашелъ Паскевича распечатывающаго конверты передъ зеркаломъ, откуда онъ могъ меня видѣть стоявшаго по лѣвую сторону дверей. Нѣсколько минутъ продолжалось его занятіе; онъ дѣлалъ видъ, что меня не видитъ, а между тѣмъ увидалъ кн. Яшвиля, который шелъ къ нему по амфиладѣ комнатъ. Паскевичъ съ восклицаніемъ „Ахъ, князь“ пошелъ къ нему навстрѣчу и ввелъ его въ комнату, гдѣ я его ожидалъ; тогда мнѣ уже неловко было оставаться, и я вышелъ отъ Паскевича, отдавая его всѣмъ чертямъ, и рѣшился не дѣлать болѣе попытокъ съ нимъ видѣться. Мальцовъ очень смѣялся моей неудачѣ; мы послали за лошадьми и тотчасъ же выѣхали. Скоро Паскевичъ насъ обогналъ и только въ Егорлыкѣ, въ карантинѣ, я узналъ, какъ Паскевичъ заботился обо мнѣ: онъ приказалъ въ карантинѣ насъ задержать, хотя ѣдущіе съ Кавказскихъ водъ не должны были быть задерживаемы, напротивъ, ѣдущіе изъ Тифлиса задерживались на нѣсколько дней. Удивило меня это мелкое преслѣдованіе, но нѣсколько десятковъ рублей въ карантинѣ намъ позволили продолжать на другой день наше слѣдованіе съ незагаенною злобою на Паскевича.

Я имѣлъ свою коляску, Степана и деньщика съ собою, Мальцовъ два экипажа и трѣхъ человѣкъ прислуги: на расходы путевые мы положили въ общую кассу по двѣ тысячи асс.. Я находилъ, что это много для меня, у меня ничего не останется денегъ для Москвы; но Мальцовъ просилъ меня не беспокоиться, что въ Москвѣ онъ дастъ мнѣ денегъ сколько мнѣ будетъ нужно. На дорогу у него тоже было мало денегъ: въ Тифлисѣ у него украли шкатулку съ 10/т. Найденный воръ Пановъ, адъютантъ Стрекалова, устроилъ это угощеніе для своего постояльца; шкатулка разбитая и нѣкоторыя вещи возвращены были Мальцову, но деньгами Пановъ успѣлъ такъ распорядиться, что Мальцовъ ни гроша не получилъ. Это обстоятельство задерживало его въ Тифлисѣ, гдѣ онъ съ трудомъ досталъ нѣсколько тысячъ на дорогу. Мы ѣхали не торопясь со всевозможнымъ комфортомъ, во всѣхъ городахъ останавливались и щедро расплачивались въ трактирахъ. Скупость Мальцова ни въ чемъ не проявлялась. Кассы нашей въ четыре тысячи едва достало до Москвы. Въ Москвѣ я остановился у Мальцова и сей-

часъ же поѣхалъ къ дядѣ, который тогда жилъ на Кушниковской дачѣ близъ Ваганьковскаго кладбища. Богатый братъ матушки, А. М. Рябининъ, рѣдко пріѣзжалъ въ Петербургъ; съ женою его Ек. Алек. я познакомился за годъ до своей катастрофы: она пріѣзжала въ Петербургъ и останавливалась у пріятельницы своей Ек. Анд. Карамзиной. Съ Карамзиной я былъ знакомъ черезъ брата ея кн. Вяземскаго, въ Москвѣ же никогда не былъ и нѣкоторыхъ изъ своихъ кузинъ не зналъ вовсе. Войдя въ переднюю къ нимъ, я спросилъ, дома ли, и безъ доклада пошелъ дальше; встрѣтилась мнѣ кузина Нат. Анд. и побѣжала отъ меня сказать своимъ, что какой-то проситель, раненый офицеръ, идетъ: вышелъ дядя, который расхохотался, увидѣвъ просителя, повелъ просителя къ теткѣ, которая тотчасъ познакомила меня со всѣмъ семействомъ и потребовала, чтобы я послѣ обѣда приказалъ отъ Мальцова привезти свои вещи къ нимъ, гдѣ я долженъ былъ помѣститься во флигелѣ вмѣстѣ съ ея сыновьями Алешей, уже тогда въ отставкѣ, и Мишкой, который еще находился подъ руководствомъ гувернера Molinier.

По утрамъ, когда на дачѣ еще всѣ спали, я съ Алешей ѣздила на воды, гдѣ по предписанію доктора пилъ Эгерскія воды: туда ѣздила также дочь брата моего двоюроднаго сенатора Бухарина, Вѣра Ивановна, только что вышедшая изъ Смольнаго монастыря, очень недурная и живая дѣвушка; за нею многіе ухаживали. Скоро пріѣхалъ для пользованія водами великій князь Михаилъ Павловичъ. Въ назначенный день для представленія къ нему я надѣлъ форму и отправился не безъ нѣкотораго удовольствія на это представленіе. Мундиръ на худобѣ моей сидѣлъ какъ мѣшокъ, лѣвая рука висѣла на перевязкѣ, сапогъ лѣвый носилъ я со шнуровкой, потому что послѣ раны у меня сдѣлалось расширение жилъ лѣвой ноги. Для представленія мнѣ случилось стоять послѣднимъ. До выхода великаго князя прибыли къ нему всѣ власти, находящіеся въ Москвѣ, Капцевичъ, Демидовъ Н. И. и многія другія лица, которыя меня знали, но тутъ какъ бы не узнавали. Прежде появленія Михаила Павловича подошелъ ко мнѣ вышедшій изъ кабинета его адъютантъ Чертковъ и сказалъ мнѣ, что великій князь надеется, что Пущинъ останется доволенъ его пріемомъ. Долго по выходѣ изъ кабинета онъ обходилъ всѣхъ представляющихся, пока дошелъ до меня, послѣдняго, передо мною остановился, внимательно на меня посмотрѣлъ и сказалъ: „Ну, порядочно тебя обработали, зачѣмъ ты въ мундирѣ? Какъ начальникъ твой, запрещаю его тебѣ надѣвать. Что объ тебѣ говоритъ фельдмаршалъ въ Петербургѣ, весело слушать; какъ твое здоровье, какъ владѣешь рукою и что твоя прострѣленная грудь? Береги себя, пользуйся широко своимъ отпускомъ, посѣщай общества

и собранія, мнѣ всегда пріятно будетъ тебя встрѣчать. Каковъ новый твой батальонный командиръ Тритилевичъ; кажется, мокрая курица. О подвигахъ твоихъ не спрашиваю, потому что знаю ихъ молодчество; спасибо за твою службу, мнѣ пріятно будетъ встрѣчаться съ тобою всякій день на водахъ“. Потомъ, обращаясь ко всѣмъ, онъ прибавилъ: „Господа, подвиги этого израненнаго и исхудалаго офицера достойны удивленія и вселяютъ всякое уваженіе къ нему. До свиданія, Пущинъ“ и затѣмъ удалился въ свой кабинетъ. Боже мой, какія послѣ этого привѣтствія посыпались, комплименты отъ тѣхъ лицъ, которыя до сего меня не узнавали. Демидовъ, Капцевичъ и всѣ начальствующія лица меня обступили съ увѣреніями, что никто изъ нихъ меня не узналъ, но я въ гордости своей едва обращалъ на нихъ вниманіе и подъ предлогомъ усталости поспѣшилъ уѣхать домой, гдѣ все семейство Рябинныхъ ожидало нетерпѣливо разсказовъ о моемъ представленіи великому князю.

Оберъ-полиціймейстеромъ въ Москвѣ былъ Д. И. Шульгинъ, который сказалъ мнѣ, что военный г.-губернаторъ Д. В. Голицынъ желаетъ, чтобы я къ нему пріѣхалъ, когда онъ меня призоветъ, что черезъ Шульгина онъ мнѣ дастъ знать когда. На другой день представленія великому князю Шульгинъ заѣхалъ за мною и повезъ меня къ Голицыну, который принялъ дружески, зная хорошо брата Ив. Ив., упрекалъ себя за то, что по слабости своей отпустилъ его передъ 14 Декабря въ Петербургъ; ему очень не хотѣлось этого дѣлать, но настояніе брата было такъ сильно, что онъ уступилъ, а между тѣмъ, если бы онъ его не отпустилъ, то братъ мой не былъ бы въ Сибири. Я успокаивалъ князя тѣмъ, что братъ не спасся бы оставаясь въ Москвѣ, что многіе товарищи его, не бывшіе въ Петербургъ, понесли одинаковую съ нимъ участь, что онъ съ твердостью переноситъ свою судьбу и, кажется, не хотѣлъ бы менѣе своихъ товарищей нести наказаніе. Прощаясь со мною, князь сказалъ, что надѣется со мною еще видѣться во время пребыванія моего въ Москвѣ. Скоро послѣ этого свиданія онъ пригласилъ меня на вечеръ, на которомъ пѣла пріѣхавшая въ Москву знаменитая пѣвица Зонтагъ; послѣ Каталани это была лучшая пѣвица, которую я когда либо слушалъ. На этомъ вечерѣ былъ и великій князь, который обращался ко мнѣ нѣсколько разъ съ любезностями. По приказанію великаго князя я болѣе мундира въ Москвѣ не надѣвалъ и вездѣ былъ въ сюртукѣ безъ эплетъ, которыхъ не выносило плечо больной руки. На водахъ видно было, какъ всякій день великій князь искалъ чтолибо сказать мнѣ пріятное; не проходило дня, чтобы онъ не адресовался ко мнѣ съ какимъ либо привѣтствіемъ или вопросомъ. Такое вниманіе его ко мнѣ осмѣлило однажды просить у него аудіенціи.

„Скажи, что тебѣ надо“, сказалъ великій князь и, взявъ меня подъ руку, вышелъ со мною въ садъ. Я упросилъ его просить для меня милости у Государя, который полагаетъ меня болѣе виноватымъ; что вѣроятно ему неизвѣстна моя виновность, что великій князь, судившій меня, вѣроятно хорошо знаетъ о участи моему; что невниманіе Государя къ представленіямъ обо мнѣ показываетъ неудовольствіе его на меня; что лучшая для меня награда была бы, если бы Государь въ душѣ своей меня простилъ, что мнѣ не нужно никакихъ крестовъ, что если я не заслужилъ прощенія Государя, то теперь лишень возможности когда либо его заслужить; что я хотѣлъ ѣхать въ Петербургъ и Псковъ къ своимъ роднымъ, но что мнѣ не даютъ туда отправленія и сказали, что я отпущень въ Москву съ тѣмъ, чтобы изъ нея не выѣзжать: такимъ образомъ Москва дѣлается для меня новой тюрьмою. Великій князь на это отвѣчалъ мнѣ, что Государю говорить о моей невинности онъ не можетъ, потому что въ этомъ пунктѣ они совершенно расходятся во мнѣніяхъ, но что о позволеніи мнѣ оставлять Москву онъ сейчасъ же будетъ просить и напишетъ въ Петербургъ; что если мнѣ нужно денежное пособіе, то онъ можетъ этому горю помочь. Я его благодарилъ и сказалъ, что въ жизни не забуду его постоянное вниманіе ко мнѣ и очень сожалѣю, что, кажется, нельзя будетъ мнѣ продолжать службу подъ высокимъ его начальствомъ, что здоровье мое плохо поправляется и, кажется, что навсегда разстроено. „Ты еще молодъ, сказалъ великій князь, здоровье твое поправится, и я еще надѣюсь съ тобою служить. Господь можетъ обратить гнѣвъ Государя на милость, и все можетъ быть для тебя исправлено; я съ своей стороны буду объ этомъ заботиться“.

Съ великимъ княземъ были его адъютанты Бибииковъ, Чертковъ и Анненковъ. Послѣдній ухаживалъ за племянницею моею Бухариною, которую на водахъ сопровождала родственница ея Афросимова, женщина сомнительнаго поведенія. Однажды я подслушалъ разговоръ съ Вѣрою Гурки (также дальняго ея родственника), разговоръ, который не шелъ для назиданія молодой институтки: я замѣтилъ Вѣрѣ при Афросимовой, что она не должна бы была позволять Гуркѣ говорить ей такія глупости. Афросимова этимъ обидѣлась и сказала мнѣ: *Ne voulez-vous pas prendre mon chapeau pour accompagner votre nièce?—Madame, отвѣчалъ я, je crois ne pas me tirer plus mal d'affaire que vous, et pour cela je n'ai pas besoin de votre costume* *). Когда я рассказалъ это Бухарину,

*) Не хотите ли взять мою шаль и провожать вашу племянницу?—Милостивая государыня, мнѣ кажется, что я не хуже вашего исполню это дѣло, а для того не нужно мнѣ вашей шали.

онъ только хохоталъ и никакого замѣчанія не сдѣлалъ ни Вѣрѣ, ни Афросимовой. Скоро Вѣра на водахъ же сдѣлалась невѣстою Анненкова, о чемъ меня прежде всѣхъ увѣдомилъ его высочество, находя эту партію очень assortie. На водахъ я познакомился съ Давыдовой, сестрою Сергѣя Ермолова, и другой его сестрою Тенишевой и съ Цуриковой, за которой мы оба съ Алешей ухаживали совершенно безопасно для нея и для себя.

Финансы мои истожились, и я обратился къ Мальцову, обѣщавшему мнѣ въ Москвѣ денегъ сколько понадобится. Я считалъ, что за дорожныя издержки онъ у меня 1000 руб. въ долгу, потому что за переѣздъ въ двухъ экипажахъ онъ долженъ былъ и заплатить вдвое противъ меня. Мальцовъ обѣщалъ прислать мнѣ денегъ черезъ нѣсколько дней, не назначая сколько, и точно присылаетъ мнѣ 1000 рублей при запискѣ, что очень сожалѣеть, что въ настоящее время болѣе послать не можетъ. Въ Москвѣ былъ тогда Александръ Лярскій женихомъ богатой невѣсты Вѣры Полторацкой; я съ нимъ встрѣтился въ театрѣ, онъ мнѣ показалъ ложу, гдѣ сидѣла его невѣста поразительной красоты, въ антрактѣ познакомилъ меня съ нею и тогда же вытасилъ у меня всѣ деньги, что у меня были, 2/3 асс. Когда по ходатайству великаго князя вышло въ Августѣ мѣсяцѣ разрѣшеніе мнѣ ѣхать во Псковъ съ тѣмъ, чтобы оттуда никуда не выѣзжать, я былъ безъ гроша; потому что Лярскій, большой мотъ, не могъ достать, чтобы возвратить мои деньги. Совершенно неожиданно для меня дядя снабдилъ меня деньгами на дорогу. Между тѣмъ открылась въ Москвѣ сильная холера, и я поспѣшилъ выѣхать. Въ Новгородѣ ожидали меня въ квартирѣ князя Шаховскаго княгиня и сестра Бароци, пріѣхавшая изъ Петербурга, чтобы повидаться со мною; съ ними провелъ я три дня и поѣхалъ во Псковъ, гдѣ нашелъ сестру Annette, пріѣхавшую для меня изъ Петербурга. Пріятно было свиданіе съ родными послѣ четырехъ лѣтъ разлуки и послѣ того какъ при разставаніи въ Петербургской крѣпости не предвидѣлось, когда вновь увидимся.

Во Псковѣ я зажилъ очень пріятно въ семейномъ кругу. Познакомился тотчасъ же съ Пальчиковыми, Львовыми, Козляниновой и Кожевниковыми. Ольга Петровна Пальчикова была за Гембицемъ, ком. Прусскаго полка; братъ Ив. Ив. былъ въ нее влюбленъ во время пребыванія въ 1823 году во Псковѣ, когда она еще была дѣвицею. Пальчиковъ В. П. былъ прокуроромъ во Псковѣ, я еще былъ съ нимъ знакомъ лицеистомъ въ Царскомъ Селѣ; во Псковѣ мы подружились, онъ былъ ежедневно у Набоковыхъ, съ нимъ ѣздилъ я часто къ его родителямъ за 18 верстъ отъ Пскова, въ Щиглицы. Первый разъ, вскорѣ по пріѣздѣ своемъ во Псковъ, я поѣхалъ туда съ сестрою Е. И. на

именины Анны Петровны 9 Сентября и тогда, познакомившись съ этимъ необыкновеннымъ семействомъ, почувствовалъ непреодолимое влеченіе къ третьей сестрѣ, Софіи Петровнѣ. Неловко было учащать мои посѣщенія послѣ перваго визита, за то я всякій день говорилъ о Sophie съ Кожевниковыми, ея кузинами. Конечно все это ей передавалось, и такимъ образомъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ.

Часто ѣздилъ я въ Щиглицы, гдѣ жило привлекательное семейство Пальчиковыхъ, состоявшее изъ трехъ патриарховъ Александра, Петра и Николая Андреевича. Александръ былъ холостой, Петръ Андреевичъ женатый на Елисаветѣ Самсоновнѣ Дичь, имѣлъ большое семейство, дочерей Анну, Ольгу, Софію, Елисавету и Екатерину. Ольга была въ замужествѣ за командиромъ принца Карла Прусскаго полка полковникомъ Карломъ Осиповичемъ Гембицемъ, тогда въ дѣйствующей арміи противъ Польскихъ мятежниковъ. Братъ ихъ Владимиръ Петровичъ былъ прокуроромъ во Псковѣ. Въ семействѣ этомъ во всемъ принимали живѣйшій интересъ, ни къ чему не оказывали равнодушія, всѣхъ любили и вотъ почему жили самою полною жизнью и наслаждались ею. Почтенные старики видѣли подымающееся на глазахъ ихъ новое поколѣніе, которое будетъ продолжать дѣло любви и привязанности къ человечеству. Кромѣ зарождающагося чувства любви къ Sophie меня притягивало туда разнообразіе характеровъ стариковъ, живой ихъ разговоръ и разумное пониманіе назначенія человѣка на землѣ, снисходительность всего семейства къ недостаткамъ человѣческимъ и умѣніе всякаго сколько нибудь не-идіота поставить въ ловкое положеніе и найти въ немъ хорошую сторону. Мѣсяцевъ шесть я не высказывалъ своихъ чувствъ, но конечно не могъ ихъ настолько скрыть, чтобы въ семействѣ не догадывались. Наконецъ въ Апрѣлѣ 1831, когда уже не могъ остановить волновавшаго меня чувства любви къ Sophie, я во Псковѣ черезъ брата ея Владимира сдѣлалъ ей предложеніе. Владимиръ увѣдомилъ меня изъ Щиглицъ *que je suis accepté et qu'on me prie de venir en promis* *). Этимъ избавили меня отъ неловкости дѣлать предложеніе лично. Само собою разумѣется, что я на крыльяхъ нетерпѣнія полетѣлъ въ Щиглицы, получивъ сперва благословеніе отъ сестры Екатерины Ивановны, любившей все семейство. Въ Щиглицахъ отстранили отъ меня все неловкое и сейчасъ же приняли какъ члена семейства, попросили переѣхать къ нимъ на житье и въ семейномъ ихъ быту ожидать свадебныхъ приготовленій. Счастливое время жениха я проводилъ въ прогулкахъ съ невестою, въ чтеніи болѣе или менѣе интересныхъ книгъ по вечерамъ въ кругу семейномъ. Дѣлались приготовленія

*) Что я принять и что меня просятъ пріѣхать какъ жениха.

приданого, какъ я находилъ, довольно медленно, пристраивались три комнаты къ дому для будущихъ молодыхъ. Я желалъ, чтобы родители назначили время свадьбы, долго не могъ этого допроситься, наконецъ назначили ее на Петровъ день, и я тогда же сказалъ, что далеко кулику до Петрова дня, но помирился съ этимъ, хотя и нетерпѣливо ожидалъ этого дня. Между тѣмъ мнѣ самому нужно было подумать, чѣмъ и какъ я буду содержать жену. Отецъ назначилъ мнѣ 2 т. асс. въ годъ и столько же прислалъ на свадьбу. Суворовъ, у котораго я просилъ денегъ, прислалъ мнѣ три тысячи. До окончательнаго моего рѣшенія жениться, прежде чѣмъ сдѣлалъ предложеніе, я воспользовался завѣщаніемъ К. Хр. Бенкендорфа написать брату его Ал. Хр., если мнѣ понадобится его покровительство. Я просилъ Бенкендорфа исходатайствовать мнѣ опредѣленіе на вакантное мѣсто совѣтника во Псковѣ; отвѣтъ былъ отъ него, что по докладу Императору онъ разрѣшаетъ мнѣ поступить въ гражданскую службу на мѣсто по чину моему, на что я отвѣчалъ, что мнѣ при отставкѣ и за полученную рану слѣдуетъ при переименованіи чинъ титулярнаго совѣтника и что съ этимъ чиномъ я могу быть назначенъ совѣтникомъ Губ. Правленія во Псковѣ, гдѣ моя невѣста имѣетъ родныхъ, и я не желалъ бы-де съ ними разлучать. Отвѣтъ былъ, что Государь Императоръ изволилъ изъявить согласіе на мое опредѣленіе въ службу, но только въ одну изъ возмущившихся губерній. Получивъ это отъ Бенкендорфа, я ему тотчасъ же написалъ, что никакъ, ни по состоянію моему, ни по обстоятельствамъ, прежде изложеннымъ, не могу принять предлагаемой мнѣ службы. На это Бенкендорфъ не отвѣчалъ мнѣ, а Суворовъ по его порученію писалъ мнѣ: „mon cher, vous vous êtes cassé le cou à tout jamais. il fallait prendre le désir de l'Empereur comme un ordre *), Государь очень разсердился за твой отказъ и не приказалъ больше представлять ему о тебѣ“. Такимъ образомъ мнѣ не удалось вмѣстѣ съ женитьбою начать новое служебное поприще, и я тогда рѣшился не дѣлать новыхъ попытокъ къ вступленію въ службу и послѣ свадьбы прожить нѣкоторое время въ Щиглицахъ, а потомъ отправиться въ имѣніе отца, Паричи Минской губерніи. Послѣ этой попытки къ восстановленію своего положенія самая неудача ея меня успокоила насчетъ будущихъ честолюбивыхъ видовъ. Подлѣ невѣсты (которая всякій день ко мнѣ болѣе и болѣе привязывалась, а къ чувствамъ моей къ ней любви прибавлялось чувство уваженія къ ея достоинствамъ нравственнымъ) я уже съ наслажденіемъ рассчитывалъ на мирную и безмятежную съ нею жизнь, хотя бы и

*) Мой милый, ты навсегда сломалъ себѣ шею: надо бы принять желаніе Государя за повелѣніе.

вдали отъ родныхъ и друзей, въ краѣ враждебнаго намъ Польскаго элемента. Я твердо рѣшился не дѣлать новыхъ попытокъ къ поступленію на службу и всецѣло отдалъ себя невѣстѣ; полюбивъ ее, полюбилъ все, что ей было дорого и что она такъ любить умѣла; родные ея, близкіе къ ея сердцу, сдѣлались самыми близкими и мнѣ. Наконецъ наступилъ такъ давно ожидаемый Петровъ день, меня повезли въ церковь, за мною скоро пріѣхала и Sophie съ своимъ entourage; ее дорогою при спускѣ съ горы опрокинули въ оврагъ, къ счастью безъ послѣдствій. Я это однако узналъ гораздо позже, когда черезъ три года послѣ свадьбы она заболѣла смертельною болѣзнью. Свадьба наша была самая скромная. Никого кромѣ близкихъ родныхъ не было на нашей свадьбѣ. Послѣ вѣнца, который окончился въ 7 часовъ вечера, свадебные гости оставались на нашемъ пиру до поздней ночи. Всѣ принимали живѣйшее участіе въ нашемъ счастьи, равнодушныхъ не было. Этотъ семейный кружокъ былъ тотъ, въ которомъ мы постоянно проводили счастливое время нашего соединенія. Безмятежное наслажденіе этимъ счастьемъ не допускало ничего лучшаго желать. Часто изъ Щиглицъ мы ѣздили во Псковъ къ сестрѣ Екатеринѣ Ивановнѣ и къ губернатору Пещурову, за одною изъ дочерей котораго ухаживалъ Владимиръ Пальчиковъ.

Въ такомъ счастливомъ безмятежѣ прошелъ цѣлый годъ, когда Пещуровъ, отправляясь по дѣламъ службы въ Петербургъ, пріѣхалъ съ нами проститься. Я просилъ его не напоминать въ Петербургѣ обо мнѣ, что я такъ счастливъ, что всякая переменна нарушитъ гармонію этого счастья, и потому я ея не желалъ бы. Тутъ нужно мнѣ рассказать, что болѣе всего заставило меня искать этого счастья и рѣшило меня просить руки теперешней моей жены. Еще въ Февралѣ мѣсяцѣ отецъ мой писалъ Государю и просилъ у него позволенія мнѣ для свиданія съ нимъ пріѣхать въ Петербургъ; вслѣдствіе этой просьбы его пришла бумага къ Пещурову о дозволеніи мнѣ на три дня пріѣхать въ Петербургъ въ сопровожденіи жандарма, который долженъ меня доставить дежурному генералу, а тотъ препроводить меня къ отцу. Первая моя мысль была отказаться отъ этой милости, но Пещуровъ уговорилъ меня этого не дѣлать, чтобы не огорчить отца и не оставить его просьбу къ Царю безъ желаемыхъ имъ послѣдствій. Такимъ образомъ, въ сопровожденіи жандармскаго унт.-офицера, какъ арестантъ, отправился я въ Петербургъ, куда пріѣхалъ рано утромъ прямо къ дежурному генералу Потапову и нѣсколько часовъ ожидалъ въ его передней, пока около 9-ти часовъ Потаповъ явился передо мною, чтобы отправить меня къ отцу въ сопровожденіи моего жандарма и его фельдъегеря. Почти черезъ шесть лѣтъ послѣ того, какъ я покинулъ роди-

тельскій домъ, послѣ трехъ блестящихъ кампаній, снова являюсь въ немъ какъ какой нибудь колодникъ. Радость свиданія съ родными не могла разсѣять грустнаго впечатлѣнія отъ такого непостижимаго преслѣдованія даже при самыхъ прирожденныхъ чувствахъ человѣческихъ. Три дня пребыванія моего въ Петербургъ я безпрестанно былъ отрываемъ отъ родныхъ посѣщеніемъ безчисленнаго множества сослуживцевъ и родныхъ. Это было въ Декабрѣ 1830 года. Послѣ развода пріѣхалъ ко мнѣ въ числѣ другихъ Суворовъ и рассказывалъ, какъ на разводѣ Преображенскаго полка Государь собралъ офицеровъ и объявилъ имъ о возстаніи въ Варшавѣ и о походѣ гвардіи въ Польшу. Я тутъ рѣшилъ написать къ великому князю Михаилу Павловичу и просилъ перевода въ войска, назначаемыя дѣйствовать противъ Польскихъ мятежниковъ; на другой день въ отвѣтъ на это письмо отъ имени великаго князя пишетъ мнѣ Геруа, что по докладу моего письма Государю, тотъ приказалъ мнѣ отвѣчать, что если я здоровъ, то могу возвратиться на Кавказъ, гдѣ непріятельскія дѣйствія не прекращаются. Тогда-то, возвратившись во Псковъ, я написалъ Бенкендорфу и просилъ объ увольненіи отъ службы, потому что для продолженія ея по состоянію своего здоровья не чувствую себя въ силахъ возвратиться на Кавказъ. Черезъ нѣсколько дней состоялся высочайшій приказъ: Кавказскаго сапернаго батальона поручикъ Пущинъ увольняется со службы за раною. Не послѣдовало ни награжденія чиномъ, ни пенсіи. Послѣ выяснишагося такимъ образомъ моего положенія я ускорилъ ходъ сердечной моей привязанности и мѣсяца черезъ два сдѣлалъ предложеніе Sophie: получивъ ея согласіе, не желалъ уже никакой для себя перемѣны, располагая оканчивать свое земное поприще мирнымъ семьяниномъ и заниматься хозяйствомъ въ имѣніи отца Паричахъ, Минской губерніи. Когда Пещуровъ ѣхалъ въ Петербургъ, я страшно боялся, чтобы онъ черезъ Бенкендорфа не втянулъ меня на службу, тѣмъ болѣе, что самъ онъ желалъ меня въ нее закабалить, и потому я нѣсколько разъ его просилъ, чтобы онъ забылъ меня въ Петербургѣ; но случилось именно то, чего я боялся. Пещуровъ, только что увидѣлся съ Бенкендорфомъ, сталъ говорить съ нимъ обо мнѣ, и тотъ велѣлъ ему написать мнѣ, чтобы поскорѣе прислалъ ему письмо, въ которомъ просилъ бы опредѣленія къ гражданской службѣ во Псковѣ, не назначая мѣста, но разъ какъ буду опредѣленъ, то легко будетъ достать и тѣ преимущества служебныя, на которыя я имѣлъ право. Нечего было дѣлать, я согласился въ письмѣ къ Бенкендорфу просить службы, тѣмъ болѣе, что это былъ совѣтъ и родныхъ моей жены, которые видѣли въ этомъ возможность удержать меня во Псковѣ. Послѣдствіемъ письма моего было опредѣленіе меня чиновникомъ особыхъ порученій при Псковскомъ губерна-

торѣ съ содержаніемъ тысячи асс. Къ этой тысячѣ прибавивъ 2 т. получаемыхъ отъ отца и 1500 получаемые Sophie, мы начали свою скромную жизнь во Псковѣ и какъ-то умѣли сводить концы съ концами, особенно когда соединили свое хозяйство съ Владимиромъ Пальчиковымъ и Гембицемъ, получившимъ въ командованіе Екатеринославскій гренадерскій полкъ, во Псковѣ расположенный; тогда мы отлично зажили, и нашъ домъ былъ средоточіемъ лучшаго общества Псковскаго.

Вскорѣ я сверхъ своей должности принялъ должность попечителя богоугодныхъ заведеній. Служебная дѣятельность моя была тогда очень обширная: кромѣ разсмотрѣнія уголовныхъ дѣлъ, поступающихъ на рѣшеніе губернатора, которыя я взялъ на себя по должности чиновника особыхъ порученій, я всякій день ѣздилъ въ городскую больницу страшно запущенную, привелъ ее въ порядокъ, не жалѣя издержекъ Приказа Общественнаго Призрѣнія. Какъ членъ тюремнаго комитета, заботился о содержаніи арестантовъ въ острогѣ, навѣщаль богадѣльню, устраивая и въ ней порядокъ, заводилъ общественную библіотеку, для которой выписалъ переплетчика изъ Петербурга. Какъ старшина клуба, завѣдывалъ его хозяйствомъ съ большимъ успѣхомъ. Дѣятельность эта была очень полезна для моего здоровья: страданія отъ раны постепенно прекращались, но тогда возвратились страданія геморoidalныя и ревматическія летучія боли.

Въ 1833 году пріѣхалъ Государь во Псковъ; Набоковъ уже командовалъ корпусомъ и жилъ въ Новгородѣ. Государь пріѣхалъ смотрѣть гренадерскую дивизію, которою тогда командовалъ Полешко: съ Государемъ пріѣхали Бенкендорфъ, Суворовъ, Ал. Адлербергъ и Пруссакъ Раухъ. Остановился Государь въ домѣ Назимова, который только что оставленъ былъ выѣхавшей въ Новгородъ моей сестрою: свита его помѣстилась въ томъ же домѣ на верху.

Я пошелъ къ Бенкендорфу, помѣстившемуся въ одной связи съ Государемъ, сказалъ ему, что такъ какъ мнѣ воспрещенъ въѣздъ въ столицу, то можетъ быть мнѣ нужно выѣхать изъ Пскова по случаю пріѣзда Государя, но между тѣмъ я здѣсь на службѣ, почему пришель спросить его, какъ онъ мнѣ прикажетъ поступить. „Подождите, любезный Пуцинъ, сказалъ онъ мнѣ, я сейчасъ спрошу у Государя, и тогда вы будете знать, что вамъ дѣлать“. Черезъ полчаса вернувшись онъ сказалъ: „Поздравляю васъ, Государь сказалъ, что онъ очень радъ будетъ васъ видѣть и что вы должны быть при вашихъ занятіяхъ, полезность которыхъ извѣстна Государю“. Я въ восторгѣ отъ этого извѣстія побѣжалъ наверхъ къ Суворову, помѣстившемуся тамъ вмѣстѣ съ Раухомъ; онъ меня дружески обнялъ, приказалъ подать Шампанскаго, которое мы втроемъ распивали до поздней ночи. Конечно пили и за здоровье Государя, такъ милостиво отозвавшася обо мнѣ.

На другое утро я напялил чей-то губернский мундиръ, приготовилъ почетный рапортъ и отправился въ городскую больницу, куда въ ожиданіи Государя пріѣхали губернаторъ и другія губернскія власти. Государь на полѣ противъ больницы смотрѣлъ дивизію, которую представлялъ ему Набоковъ, корпусный командиръ, пріѣхавшій изъ Новгорода.

По окончаніи смотра, около 10 часовъ, Государь пріѣхалъ въ больницу; я у входа ждалъ его и послѣ устнаго рапорта о числѣ больныхъ подалъ ему почетный рапортъ. Онъ, не смотря на меня, сдѣлалъ мнѣ головной поклонъ и пошелъ по больницѣ; за нимъ слѣдовали Пещуровъ и Бенкендорфъ, а за ними шелъ я съ Суворовымъ и Раухомъ. Государь на всякомъ шагу изъяслялъ свое удивленіе и, адресуясь къ Пещурову, сказалъ: „Алексѣй Никитичъ, я много видѣлъ губерnskихъ больницъ, но такой еще не встрѣчалъ; спасибо тебѣ, ничего нельзя забраковать, все отлично“. Пещуровъ только клянялся и не сказалъ ни слова о виновникѣ метаморфозы. Обойдя все палаты, Государь часто встрѣчалъ меня на выходахъ изъ одной палаты въ другую: наконецъ пришли въ кухню, гдѣ онъ, попробовавъ пищу, сказалъ: „Не доварено“; видя, что никто ничего не отвѣчаетъ, я сказалъ: „Государь, пища готовится къ 12-ти часамъ, а теперь еще 10“. — „Все равно, гнѣвно сказалъ онъ, она должна была быть готова“. Не зная, куда Государь поѣдетъ изъ больницы, я совѣтывался съ Суворовымъ и спросилъ его мнѣнія, нужно ли мнѣ сопутствовать ему въ его дальнѣйшихъ осмотрахъ, не зная, куда ему когда вздумается ѣхать, въ богадѣльню или въ тюрьму. „Не могу тебѣ ничего совѣтовать, отвѣчалъ Суворовъ, можетъ быть хорошо сдѣлаемъ, что поѣдемъ за нимъ, а можетъ быть и дурно; сдѣлай такъ, какъ тебѣ Богъ на сердце положить“. — „Въ такомъ случаѣ я ѣду, потому что не знаю, куда захочетъ Государь прежде ѣхать. Государь поѣхалъ къ кантонистамъ, я за нимъ, и такъ какъ моя официальность тутъ была не нужна, то слѣдовалъ за нимъ въ числѣ его свиты, ободренный тѣмъ, что онъ остался такъ доволенъ состояніемъ больницы. У кантонистовъ онъ безпрестанно встрѣчалъ веселую, ему ненавистную, мою фигуру, которую все время смѣшилъ Суворовъ своею болтовнею. Выходя отъ кантонистовъ, Государь сѣлъ въ коляску съ Пещуровымъ и Бенкендорфомъ и приказалъ ему ѣхать домой, не желая уже осматривать моихъ заведеній. Я поспѣшилъ къ Пещурову узнать, не сказалъ ли чего Государь, что могло бы мнѣ дать надежду на его милость ко мнѣ, и что же я къ удивленію своему узналъ? Только что отъѣхала отъ кантонистовъ коляска Государя, онъ сказалъ сидѣвшимъ съ нимъ Бенкендорфу и Пещурову: „Запрещаю вамъ когда нибудь представлять мнѣ о Пущинѣ: въ немъ

нѣтъ ни малѣйшаго чувства раскаянiя, онъ просто все время издѣвался надо мною“. Весьма скоро на дѣлѣ осуществился этотъ приговоръ. Послѣ того какъ Государь былъ такъ доволенъ городской больницею, Пещуровъ представилъ меня къ чину титулярнаго совѣтника; хотя мнѣ до выслуги этого чина оставалось только нѣсколько мѣсяцевъ, но онъ желалъ поскорѣе меня сдѣлать совѣтникомъ Губернскаго Правленiя на имѣвшуюся тогда ваканцію. Резолюція на это представленіе была слѣдующая: „никогда не представлять за отличіе участвовавшихъ въ заговорѣ 14 Декабря“. Черезъ нѣсколько времени, когда я уже оставилъ должность попечителя, послѣ отказа въ производствѣ за отличіе, Пещуровъ представилъ меня къ производству за выслугу; но тутъ послѣдовало распоряженіе, чтобы замѣшаннымъ по 14 Декабря не представлять ни за отличіе, ни за выслугу. Конечно послѣ этого мнѣ не было никакой цѣли служить, и я поспѣшилъ оставить службу, чтобы быть свободнымъ ѣхать на морскія купанья въ Нейбадъ около Риги. Вотъ какимъ мыльнымъ пузыремъ разыгралась моя попытка къ возстановленію своего общественнаго положенiя новымъ служебнымъ поприщемъ. Конечно трудно было предполагать службою въ Псковѣ вернуть потерянное, послѣ того какъ блестящія три компаніи, рана въ грудь насквозь, не могли смягчить злобное чувство мстительнаго обладателя престола. И за что, подумаешь, это мщеніе? За то, что, не сдѣлавшись доносчикомъ, не заслужилъ всеобщаго презрѣнiя, а напротивъ, пользовался уваженіемъ всѣхъ сколько нибудь знавшихъ меня, даже и тѣхъ, кто стоялъ близко къ лицу, меня постоянно преслѣдовавшему.

Расчитавшись окончательно со службою, я отстранился отъ всѣхъ другихъ занятій въ Псковѣ и переѣхалъ на жительство въ Щиглицы, гдѣ полнота разумной жизни меня совершенно удовлетворяла; но не ловко было мнѣ, совершенно свободному, не заняться дѣлами семейными. Я написалъ отцу и просилъ его позволенiя ѣхать въ Парижи и управлять имѣніемъ. Отецъ, конечно, изъявилъ свое согласіе, но при этомъ сказалъ, что не дворянское дѣло быть управителемъ и по его мнѣнію ниже упасть его сыну невозможно. Къ крайнему сожалѣнію Пальчиковыхъ рѣшено было мнѣ съ Sophie переселиться въ Парижи осенью 1833 года. Но человекъ предполагаетъ, а Господь располагаетъ. Въ Іюнѣ я поѣхалъ въ Нейбадъ вмѣстѣ съ Sophie, здоровой, какъ свѣжій огурчикъ. Я пользовался съ большимъ успѣхомъ морскими купаньями, Sophie купалась безъ всякой нужды, собственно изъ удовольствiя. Къ намъ пріѣхала Оленька Гембицъ съ Наденькою Кожевниковой изъ Митавы, гдѣ тогда Гембицъ былъ начальникъ штаба 1-го корпуса. На водахъ мы сошлись съ семействомъ Куминга, очень

богатаго Англичанина, проживавшаго въ Ригѣ по торговымъ дѣламъ. Послѣ двухъ мѣсячнаго пребыванія въ Нейбадѣ, мы, по приглашенію Куминговъ, поѣхали къ нимъ въ Ригу нѣсколько дней погостить. Кумингъ доставлялъ намъ всякаго рода развлеченія, и мы очень пріятно провели у нихъ недѣли двѣ: прожили бы и болѣе, еслибы не хотѣли поспѣшить къ 5 Сентября, дню именинъ дорогой нашей маменьки Елисаветы Томасовны. Возвращались мы очень медленно, всѣ ночи дорогою останавливались на ночлегъ. Не доѣзжая до станціи Нейгаузъ, Sophie пожелала выйти поискать грибовъ, меня же просила ѣхать на станцію, до которой оставалось верстъ пять, и позаботиться тамъ о нашемъ обѣдѣ. Жара была невыносимая, и я, медленно подвигаясь къ станціи, не разъ раскаявался, что такъ далеко оставилъ Sophie съ дѣвушкой отъ станціи, куда онѣ должны будутъ придти утомленныя.—И точно, Sophie пришла раскраснѣвшаяся, увлеченная обиліемъ грибовъ, набрала ихъ множество, такъ что подъ тяжестью своей ноши совершенно изнемогла. Хотя мы спѣшили ѣхать, чтобы поспѣть къ обѣднѣ 5 числа, но я уговорилъ ее отдохнуть: къ вечеру она настояла, чтобы ѣхать ночью, не такъ жарко будетъ, и мы поспѣемъ во время поздравить именинницу. Къ несчастію я имѣлъ слабость согласиться на ея желаніе, и мы пустились въ дорогу на всю ночь. На бѣду послѣ знойнаго дня ночь была очень свѣжая, ни я, ни она не имѣли теплой одежды. Къ утру она начала покашливать, но старалась удерживаться, чтобы меня не потревожить. Мы пріѣхали въ Щиглицы, чтобы поутру поздравить дорогую именинницу, но вмѣстѣ съ тѣмъ и потревожили ее кашлемъ Sophie. Она въ тотъ же день начала кашлять кровью; послали за докторомъ домашнимъ, фонъ-деръ-Беленомъ, который объявилъ, что положеніе Sophie очень опасное. Она сама лечила подобныя болѣзни и потому не сомнѣвалась въ опасности, но меня оставляли въ заблужденіи и скрывали даже кровь, которая у нея горломъ выходила. Всякій день, однако, состояніе ея здоровья меня болѣе и болѣе тревожило. Не довѣряя фонъ-деръ-Белену, я пригласилъ Фона, который сейчасъ объявилъ мнѣ, что положеніе опасное, что нужно постоянно слѣдить за болѣзнію и совѣтовалъ мнѣ перевести больную въ городъ, гдѣ предлагается мнѣ помѣщеніе Назимовъ Гав. Пет., въ домѣ мнѣ знакомомъ и не стѣсненномъ строеніями. Конечно я поспѣшилъ послѣдовать его совѣту и помѣстился на квартирѣ, которую занимала во Псковѣ сестра К. И. Съ нами была всегда одна изъ сестеръ Sophie. Такимъ образомъ еще въ Сентябрѣ я переѣхалъ во Псковъ. Состояніе здоровья Sophie иногда измѣнялось къ лучшему, но силы не возвращались, и кашель ся не оставлялъ. Такъ прошло болѣе 6-ти мѣсяцевъ, она все желала весною переѣхать въ Щиглицы; но какъ только наступилъ Апрѣль

мѣсяць и вскрылась рѣка, то болѣзнь приняла такой оборотъ, что она уже не вставала съ постели и 19 Апрѣля Господу Богу душу отдала, оставя по себѣ сожалѣніе всѣхъ, кто только ее зналъ. Во время ея болѣзни я совершенно истощился силами и потерю свою не могъ перенести съ твердостью человѣка вѣрующаго въ неисповѣдимыя судьбы Господни. Я приходилъ въ совершенное отчаяніе и не видѣлъ уже цѣли никакой для себя въ жизни; не менѣе чувствительна была потеря эта и для всего семейства. Сестра Елисавета Петровна также начала кашлять кровью, и очень боялись, чтобы у нея не развилась болѣзнь Sophie. Устроили ей комнату въ овчарнѣ, гдѣ она прожила все лѣто и тѣмъ возстановила свое здоровье. Могила Sophie, забота о больной и наконецъ желаніе всего семейства рѣшили меня оставаться у нихъ, пока не залечится живая сердечная рана.

Зимою съ 1834 на 1835 годъ я послалъ человѣка на Пущину Гору въ Осташковскомъ уѣздѣ приготовить для меня домъ, въ которомъ никто еще изъ владѣльцевъ имѣнія не жилъ (дѣдушка Петръ Ивановичъ пріѣзжалъ однажды туда въ началѣ 1800 годовъ и приказалъ выстроить домъ). Я поручилъ приготовить для меня въ домѣ этомъ нѣсколько комнатъ; мнѣ хотѣлось, прежде чѣмъ уѣду въ чуждый край Литовскій, прожить лѣто въ краю родномъ, гдѣ хорошіе знакомые, Толстые, Пущины, Нащокины и Лобановы-Ростовскіе доставятъ мнѣ и развлеченія, если въ нихъ буду нуждаться. Братъ Петръ, который служилъ тогда въ Павловскомъ полку, взялъ отпускъ, чтобы провести его со мною въ Осташковской деревнѣ. Изъ Пскова, простившись съ друзьями сердечными и съ могилкою Sophie, я выѣхалъ въ Маѣ, нашелъ на Пущиной Горѣ домъ похожій на руину, человѣка изъ Паричъ, котораго послалъ туда, спившагося съ кругу, и ничего не приготовлено для моего пріѣзда: лошади и кучеръ съ женою, посланные туда изъ Щиглицъ, еще не прибыли.— На первыхъ порахъ это все еще прибавляло моей грусти. Скоро явились Толстые сосѣди, Алекс. Феликс. и племянникъ его Алек. Андр., которые вытащили меня къ себѣ въ Бухвостово, пока жилище мое готовится будетъ для жилья. У нихъ познакомился я съ Варахшными, отцемъ и дочерью Глафирую. Я замѣтилъ, что Глафирушка какъ-то особенно хозяйничаетъ у нихъ въ домѣ и вмѣстѣ постоянное желаетъ меня своими разговорами развлекать, что мнѣ очень надоѣло. Другая моя сосѣдка Лобанова-Ростовская, урожденная Кутайсова, была веселая и эксцентрическая женщина, старалась всячески меня развлекать, часто пріѣзжала ко мнѣ по вечерамъ чай пить, и мы вмѣстѣ отправлялись къ Нащокинымъ. Старуха съ нѣсколькими дочерьми очень некрасивыми, но милыми и любезными; одна изъ нихъ была за Боборыкинымъ и тогда съ му-

жемъ у нихъ гостила. Однажды Лобанова, прїѣхавъ ко мнѣ съ Толстымъ и еще съ нѣкоторыми сосѣдями, придумала сыграть фарсъ Нащокинымъ, забрала у меня сколько было простынь, и мы, прїѣхавши къ Нащокинымъ вечеромъ, опутанные въ бѣлыя простыни, разсѣлись въ неосвѣщенной гостинной и ожидали появленія въ нее хозяевъ, послѣ всенощной, которую служили въ одной изъ заднихъ комнатъ: но фарсъ этотъ не произвелъ никакого эффекта, потому что Нащокины, войдя со свѣчею въ гостинную, сейчасъ догадались, что это кн. Лобанова устроила маскарадъ, а мы думали ихъ до смерти перепугать; кончилось тѣмъ, что, поужинавъ у нихъ, отправились по домамъ. Не очень любилъ я эти развлечения, но нечего было дѣлать, *il faut hurler avec les loups* *). Сколько возможно было, я уклонился отъ всякаго рода шумныхъ развлеченій, но скоро мнѣ пришлось видѣть у себя все окружающее меня сосѣдство и совершать прогулку по озеру Селигеру въ большой компаніи съ пѣсельниками и музыкою.

Въ Юлѣ мѣсяцъ прїѣхалъ ко мнѣ братъ Петръ. Съ нимъ вышла жизнь другого рода: вмѣстѣ съ нимъ мы стали посѣщать родственные дома племянниковъ Пуцциныхъ, у которыхъ жила двоюродная сестра Кат. Яковл. Бухарина, ѣздили въ Толошницу къ кн. Фед. Леонт. Шаховскому, а чаще всего по сосѣдству въ Бухвостово къ Толстымъ. Въ Августѣ собрались съѣздить въ Брынѣ. Калужской губерніи, гдѣ проводили лѣто Рябинины. Поѣхали туда на своихъ лошадяхъ по проселочнымъ дорогамъ; въ Брыни нашли все семейство въ сборѣ. Pierre братъ скоро оттуда отправился на службу въ Петербургъ, а я провелъ очень пріятно болѣе мѣсяца въ кругу милыхъ моихъ родныхъ. Отъ нихъ на своихъ же лошадяхъ поѣхалъ въ Паричи. Чтобы составить себѣ маршрутъ, я провелъ по картѣ прямую линію отъ Брыни до Паричей и направилъ по тѣмъ городамъ, которые линія моя проходила, нигдѣ ни встрѣтилъ никакого препятствія и въѣхалъ въ Паричи съ незнакомой мнѣ стороны, переправясь Березину на паромѣ, принадлежавшаго Паричамъ около Бельча, имѣнія Прушановской. Отъ переправы мнѣ оставалось нѣсколько верстъ до Паричъ дороги самой отвратительной, размываемой разливомъ рѣки; меня на ней застала темная ночь, и я съ большимъ трудомъ добрался до обѣтованной земли, гдѣ обѣщаль себѣ тихое, безмятежное пристанище.

Вскорѣ послѣ кончины Sophie я потребовалъ отъ прикащика въ Паричахъ, Бялковскаго, нѣкоторыя свѣдѣнія объ имѣніи. Онъ мнѣ прислалъ инвентарь и отчетъ годовой, который разсматривалъ тесть мой Петръ Андреевичъ и находилъ очень удовлетворительнымъ. Отецъ

*) Надо съ волками выть.

писалъ мнѣ, что мнѣ негдѣ жить въ Паричахъ и что онъ приказалъ строить домъ, но еще не готовъ; я приказалъ Бялковскому отдѣлать для меня въ домѣ нѣсколько комнатъ къ осени и потому былъ совершенно покоенъ на счетъ своего помѣщенія. Пріѣхалъ ночью часу въ первомъ; меня встрѣтили одни злыя собаки; на силу добудились прикащика, и тотъ указалъ мнѣ приготовленныя комнаты, въ которыхъ я тотчасъ приказалъ приготовить себѣ постель и, усталый, легъ спать, не обративъ никакого вниманія на обстановку. Проснувшись поутру, я увидѣлъ себя въ неоштукатуренной комнатѣ, гдѣ на расщепленномъ полу стояли кривой столъ и нѣсколько разныхъ формъ безобразныхъ старыхъ стульевъ, домашней плотничной работы. Вставъ съ постели и заглянувъ въ окно, безъ занавѣсей и шторъ, я увидѣлъ около дома коровъ, свиней и разнаго рода скотину, пасущуюся подъ самыми окнами, гдѣ въ песокъ проскакивала изрѣдка тощая трава, ни кустика, ни деревца, и домъ стоялъ какъ въ песочной пустынѣ, лицомъ къ рѣкѣ, и между рѣкою и домомъ проходила дорога, съ которой подымающаяся пыль вся садилась на домъ. На первыхъ же порахъ меня взяла грусть и сожалѣніе, что я добровольно обрекъ себя на подобное изгнаніе. Обстановка эта конечно не расположила меня къ Бялковскому. Не понимая ничего въ хозяйствѣ, я не зналъ съ чего начать свою дѣятельность; естественно явилась потребность знать, что есть въ имѣніи и чего не достаетъ. Я потребовалъ вѣдомость о состояніи хлѣбныхъ магазиновъ; оказалось на лицо 80 четвертей ржи послѣ обмолота всего урожая, между тѣмъ до ста человѣкъ дворни на продовольствіи, на что потребуется въ годъ по меньшей мѣрѣ 200 четвертей; вслѣдствіе этого открытія я приказалъ сейчасъ же купить 300 четвертей ржи, за которую заплатилъ 4200 руб. асс. Къ счастью у меня было выданное мнѣ наслѣдство послѣ Sophie, нѣсколько тысячъ рублей, не помню сколько (кажется, 6 т. асс.). Недостатокъ хлѣба отнесенъ былъ къ неурожаю и кромѣ того 300 четвертей новаго хлѣба употреблено было на посѣвъ; по крайней мѣрѣ, думалъ я, на будущій годъ отъ этого посѣва набью свои житницы съ изобиліемъ. Послѣ нѣсколькихъ дней моего пребыванія я назначилъ перемѣръ магазина хлѣбнаго; перемѣръ не могъ долго продолжаться, потому что хлѣба было немного, и потому я не приказалъ ходить въ амбары, пока не кончится перемѣръ.

Со мною пріѣхали два человѣка, принадлежавшіе Пальчиковымъ, слуга Емельянъ и поваръ Николай, люди мнѣ совершенно преданные. Вечеромъ того дня, какъ я приказалъ безъ меня не ходить въ амбары, Емельянъ пришелъ мнѣ сказать, что изъ амбара выносятъ мѣшки съ пшеницею; я посмотрѣлъ въ вѣдомость; тамъ пшеницы

не показано; позвавъ Бялковскаго, я спросилъ, съютъ ли пшеницу. Съютъ немного, но плохо родить, а нынѣшній годъ совсѣмъ пропала, нужно было перепахивать поле, отвѣчалъ онъ мнѣ. Это было уже довольно поздно вечеромъ: я потребовалъ ключи отъ амбара. Бялковскій побѣжалъ за ними къ женѣ, толстой, неповоротливой бабѣ и возвратился мнѣ доложить, что ключи гдѣ-то жена засунула и не можетъ ихъ отыскать. Ничего, сказалъ я, пойдѣмъ; я попробую такъ отворить. Мнѣ извѣстно было, что еще неубранные изъ амбара мѣшки поставлены тотчасъ за дверью, которая отворяется въ амбаръ, на лѣвой рукѣ отъ входа. Придя къ амбару съ Бялковскимъ, ногой я высадилъ дверь изъ петель и, войдя въ амбаръ, пошелъ съ фонаремъ на право, осматривалъ закромы и такимъ образомъ пришелъ наконецъ къ тому мѣсту, гдѣ за дверью поставлены были пять мѣшковъ съ пшеницею. „Это что такое?“ спросилъ я. — „Пшеница, которую нужно еще на солнцѣ пересушить“. — „Когда же будутъ пересушивать?“ — „Когда прикажете“. — „Зачѣмъ же ты не дожидалъ моего приказанія и выносишь еще сегодня мѣшки, но кажется еще не успѣлъ всѣхъ вынести“. — „Я ничего не знаю, отвѣчалъ Бялковскій, это вѣрно жена моя“. — „Позвать ее“, закричалъ я. Та прибѣжала и ничего не могла сказать въ свое оправданіе, потому что при ней отдано было приказаніе не ходить въ амбаръ, пока я всего не перемерю. Я ее прогналъ, обѣщаясь при первомъ мошенничествѣ выгнать ее изъ дому. Оказалось, что изъ 15 мѣшковъ десять уже было отдано Жидамъ. Жиды были совершенно какъ хозяева у насъ въ имѣніи. Еще въѣхавъ въ Могилевскую губернію, я замѣтилъ ихъ преобладаніе въ краѣ; дорогой, останавливаясь въ корчмахъ, я видѣлъ, какъ они эксплуатировали крестьянъ, за которыхъ они думаютъ, дѣйствуютъ и распоряжаются ихъ имуществомъ, какъ своимъ. Конечно, по обмѣрѣ наличнаго хлѣба оказалось всего нѣсколько больше, чѣмъ значилось въ представленной вѣдомости и еслибы я не поспѣшилъ сдѣлать повѣрку, то нѣтъ сомнѣнія, что непоказанное количество перешло бы къ Жидамъ. Въ сосѣдствѣ имѣніемъ Вонелавовича управлялъ отличный хозяинъ Ягвель. Я познакомился съ нимъ, и онъ не отказался служить мнѣ своими совѣтами насчетъ обработки земли.

Побывъ въ Паричахъ болѣе мѣсяца, я успѣлъ убѣдиться, что до новаго урожая мнѣ нечѣмъ прокормить дворню, почему сейчасъ же на нѣсколько тысячъ купилъ ржи, остановилъ продажу яроваго хлѣба и, сдѣлавъ свои распоряженія до весны, въ Октябрѣ поѣхалъ въ Щиглицы, гдѣ, окруженный воспоминаніями Sophie, прожилъ до Мая и тогда, возвратившись въ Паричи, употребилъ всю свою дѣятельность на улучшеніе хозяйства полеваго, наблюдалъ лично за пахотою, временами посѣва, способомъ обработки земли, имѣя для этого

прекраснаго руководителя Ягвеля. Черезъ Петра Семеновича Горожанскаго выписалъ изъ Риги спеціалиста для устройства винокурни. Къ осени винокурня была готова съ большою денежною тратою, но увы, никуда не годилась, и я всю зиму курилъ на ней вино въ убытокъ. Дорсдорфъ, Рижскій винокуръ, пустилъ въ ходъ винокурню, на мой счетъ отъ меня уѣхалъ и даромъ увезъ мои деньги, которыя, по пословицѣ, плакали. Цѣлый годъ на этотъ разъ я пробылъ въ Паричахъ, переходя отъ одной неудачи къ другой, искалъ кѣмъ бы замѣнить Бялковскаго, но тщетно: осенью поѣхалъ въ Брынь учиться сахарному производству и потомъ устроить у себя сахарный заводъ; изъ Брыни черезъ Псковъ, гдѣ опять пробылъ до весны, возвратился въ Паричи и принялся за посѣвъ свекловицы и постройку сахарнаго завода; свекловица дала обильный урожай на десяти десятинахъ посѣва на лучшей землѣ. Устройство завода опоздало, я могъ пустить его въ ходъ, когда начались морозы, и свекловица моя поступала на вымочку мерзлая. Рябинины прислали мнѣ сахаровара Шумахера, который изъ мерзлой свекловицы извлекалъ одну скверную патоку и никуда негодный сахаръ. Фіаско перваго года меня не обезкуражило: я просилъ пріискать въ Брыни мнѣ такого сахаровара, который могъ бы быть вмѣстѣ и управляющимъ; мнѣ прислали Титорова, крѣпостнаго гр. Комаровскаго. Титоровъ повелъ заводъ нѣсколько лучше, но всетаки въ убытокъ.

Въ такихъ неудачахъ засталъ меня 38-й годъ.

Въ Вильнѣ, у Гембица, начальника штаба 1-го корпуса, я познакомился съ четырьмя барышнями Подкользинными. Отецъ ихъ управлялъ аренднымъ имѣніемъ Чичагова, и тогда, уже сдавши имѣніе Ораны въ казну, оставался жить въ Вильнѣ. Въ Вильнѣ директоръ гимназіи былъ А. В. Устиновъ, мой товарищъ по корпусу, весьма любимый и уважаемый; онъ, въ бытность мою въ Вильнѣ, придумалъ отблагодарить Виленское общество за любезности къ нему: устроилъ у себя очень милый вечеръ, на который приглашены были и дѣвицы Подкользины. Съ первой встрѣчи моей съ ними у Гембицевъ, мнѣ понравилась Marie. Я сообщилъ объ этомъ Оленькѣ Гембицъ, которая очень меня анкуражировала сдѣлать предложеніе и ручалась мнѣ за мой выборъ. Отъ природы своей застѣнчивый, я долго не могъ рѣшиться; но тутъ, на вечерѣ у Устинова, я сказалъ себѣ, оставивъ подлѣ себя пустой стулъ во время танцевъ, что если Marie Подкользина сядетъ на него, то я рѣшусь сдѣлать ей предложеніе. Кончивши свой танецъ, она по мысли моей пришла сѣсть подлѣ меня, и я, хотя тутъ же не рѣшился сдѣлать ей предложеніе, но твердо положилъ въ своемъ умѣ воспользоваться для этого первымъ удобнымъ случаемъ. Случай этотъ не заставилъ себя долго ждать: на гуляньѣ въ Трина-

полѣ мнѣ пришлось ей помогать переходить черезъ ручей; я подаль ей руку и, сдѣлавъ ей предложеніе, получилъ согласіе, а для полученія согласія родителей долженъ былъ на другой день къ нимъ поѣхать. На другой день, 13 Мая 1838 года, согласіе родителей получено, и я, счастливый женихъ, сожалѣлъ только о томъ, что не будетъ въ Вильнѣ Оленьки (которая была за границею) во время нашей свадьбы.

Въ семействѣ Пальчиковыхъ будущая моя жена ожидалась какъ родная сестра. Владимиръ и Sophie Пальчиковы, проѣзжая черезъ Вильну, чтобы ѣхать съ Оленькою за границу, оцѣнили Marie и отзвонъ о ней къ роднымъ еще болѣе расположили ихъ. Проведя нѣсколько времени счастливыхъ дней съ невестою, я поѣхалъ въ Паричи, чтобы нѣсколько приготовить неотдѣланный домъ къ принятію молодой жены. Свадьба назначена была въ Іюль. Всякую почту я отправлялъ письма къ невестѣ и конечно получалъ ихъ отъ нея. Все время въ деревнѣ проведено было въ этомъ занятіи и, мало думая объ украшеніи своего жилища, я заботился только, чтобы все готово было къ нашему возвращенію изъ Вильны, куда еще задолго до свадьбы, отъ нетерпѣнія видѣть невесту, я отправился и, такъ какъ она жила въ Тринаполѣ, то и я туда отъ Гембица перебрался. Въ Вильнѣ генераль-губ. былъ Николай Андреевичъ Долгорукій, съ которымъ еще съ Кавказа я коротко знакомъ; онъ часто приглашалъ меня на свои Лукуловскіе обѣды, говорилъ, что я увожу изъ Вильны лучшее украшеніе. Долгорукій въ Тифлисѣ далъ мнѣ вексель въ 10 т. р. въ обезпеченіе своего долга по картамъ. Послѣ 1828 года, десять лѣтъ, онъ о немъ не заботился, въ Вильнѣ спросилъ меня: *qu'est-ce que vous avez fait de ma lettre de change?*—*Je l'ai vendu*, былъ мой отвѣтъ, *pour cinq cent roubles.*—*Très bonne affaire, mon cher* *), было мнѣніе человѣка, который тысячи бросалъ на какое либо удовольствіе.

3-го Іюля 1838 года бракосочетаніе наше совершено въ Вильнѣ въ деревянной церкви Свято-Духовскаго монастыря (нынѣ не существующей). Послѣ свадебнаго обѣда у родителей мы вечеромъ, въ сопровожденіи сестры Пелагеи Яков., отправились въ Паричи въ коляскѣ, не представлявшей большаго удобства для путешествія вчетверомъ. Насъ трое да дѣвушка, человѣкъ съ кучеромъ ѣхали по жарѣ невыносимой. Въ Бобруйскѣ остановились у Муранова, который также сочинилъ для насъ свадебный обѣдъ и назвалъ гостей. Изъ Бобруйска, для переѣзда до Паричъ по пескамъ, поѣхали мы на ночь и

*) Чтò сдѣлалъ ты съ моимъ векселемъ?—Я продалъ его за 500 руб.—Отличное дѣло, мой милый.

въ Парижи пріѣхали часу въ шестомъ утра, усталые послѣ ночи, проведенной безъ сна. Какъ бѣдна мнѣ показалась обстановка въ Парижахъ для новой жительницы, но какъ вмѣстѣ измѣнился для меня интересъ жизни въ Парижахъ: время летѣло на крыльяхъ и приближалась пора зимы, когда я собирался ѣхать съ Marie въ Вильну, Псковъ и Новгородъ представлять молодую свою жену моимъ роднымъ. Поѣздка наша совершилась благополучно. Изъ Новгорода Marie съ братомъ Pierre ѣздила въ Петербургъ представляться отцу и сестрамъ моимъ. Познакомившись со всѣми моими родными, возвратились въ Новгородъ, откуда весною мы, черезъ Псковъ и Вильну, возвратились въ Парижи, куда изъ Вильны, уже по кончинѣ ея отца, Якова Ефремовича, привезли ея матушку и сестеръ. Трудно было мнѣ хозяйничать при условіяхъ моего туда переселенія: нужно было дать почувствовать родителю, не желавшему моего въ Парижахъ водворенія, что я выгоднѣе для него управитель, чѣмъ Бялковскій. По отчетамъ онъ получалъ изъ Парижъ отъ 8 до 9 т. асс. въ годъ; я ему, съ пріѣзда туда, сталъ высылать по тысячѣ руб. въ мѣсяцъ, не отъ того, что дѣйствительно Парижи столько давали, но чтобы тотчасъ разрушить его сомнѣніе насчетъ умѣнія моего справиться съ дѣломъ и чтобы заслужить полную его довѣренность. Срочная высылка денегъ въ Петербургъ, закупка первое время хлѣба, новыя постройки и вообще расходы по хозяйству въ два года истощили весь мой денежный запасъ, и я часто былъ въ большихъ денежныхъ затрудненіяхъ. Къ этому слѣдуетъ присоединить ежегодныя поѣздки въ Псковъ и Новгородъ; иногда просто отъ неимѣнія средствъ долженъ былъ проводить зиму въ Парижахъ.

Послѣ Долгорукаго назначенъ въ Вильну генераль-губернаторомъ Мирковичъ. Въ 1841 году, проѣзжая черезъ Вильну, я съ нимъ познакомился, и онъ однажды мнѣ сказалъ, что получилъ отъ военнаго министра кн. Чернышова бумагу, съ которой не знаетъ что дѣлать; ему пишетъ Чернышовъ, чтобы къ свадьбѣ Наслѣдника представить о тѣхъ, кто пострадалъ по суду 1826 года. „Я никого не знаю, о комъ представлять“, сказалъ Мирковичъ. — „Такъ представьте обо мнѣ: я одинъ изъ тѣхъ, которые въ этомъ нуждаются“. — „О чемъ же я буду для васъ представлять и что для васъ просить?“ — „Попросите для меня разрѣшенія пріѣхать въ столицу для свиданія съ престарѣлыми родителями“. Мирковичъ послалъ объ этомъ представленіе, которое, какъ я потомъ узналъ отъ Шауфуса, послано было отъ кн. Чернышова въ Москву Адлербергу для доклада Государю. Адлербергъ почему-то докладывалъ не лично, а послалъ портфель. Государь на представленіи обо мнѣ отмѣтилъ: „Разрѣшить пріѣздъ только въ Москву“. Когда портфель возвратился къ Адлербергу и тотъ увидѣлъ эту резолюцію, онъ рѣшился передоложить

Государю, приче́мъ сказа́лъ: „Государь, вы ровно ничего не сдѣлали для Пущина, всѣ его родные въ Петербургѣ, и ему не для чего ѣздить въ Москву“. Тогда разрѣшено мнѣ было пріѣзжать въ Петербургъ, но съ тѣмъ, чтобы всякій разъ являлся въ Третье Отдѣленіе, гдѣ мнѣ будетъ назначаться срокъ пребыванія въ столицѣ. На слѣдующую за тѣмъ осень я воспользовался этимъ разрѣшеніемъ, и Третье Отдѣленіе назначало мнѣ срокъ пребыванія по моему желанію и отсрочивало мой отъѣздъ, какъ и когда я самъ этого желалъ. Я уже не засталъ матушки, которая скончалась въ 1840-мъ году, и пріѣхалъ въ Петербургъ за годъ до кончины отца, который скончался въ 1842 году.

Я нашелъ отца обиженнаго и огорченнаго министромъ юстиціи гр. Панинымъ: изъ всѣхъ сенаторовъ Общаго Собранія онъ одинъ не произведенъ былъ въ слѣдующій чинъ и ничѣмъ не награжденъ; тѣмъ болѣе это было ему обидно, что, пріѣхавши въ Сенатъ, онъ вмѣсто перваго мѣста долженъ былъ сѣсть на послѣднее, потому что сдѣлался младшій чиномъ; разумѣется, онъ уѣхалъ изъ Сената и болѣе туда не сталъ ѣздить. Чтобы нѣсколько задобрить старика, гр. Панинъ представилъ его къ Бѣлому Орлу и когда фельдъегерь привезъ ему ленту, онъ въ сердцахъ сказа́лъ ему: скажи своему министру, что мнѣ лента не нужна; мнѣ подавай чинъ. Жалко было видѣть обиженнаго такъ больно старика. Я ему совѣтовалъ написать морскому министру князю Меншикову. Онъ приказа́лъ мнѣ написать письмо отъ его имени и посла́лъ меня съ нимъ къ министру. Меншиковъ зналъ меня прежде и послѣдній разъ видѣлъ меня на Кавказѣ, когда возвращался изъ Персіи. Принялъ меня очень привѣтливо, прочелъ письмо и спросилъ меня: „Неужели вашъ батюшка желаетъ командовать флотомъ?“ — „Конечно нѣтъ, отвѣчалъ я; но ваша свѣтлость поймите, какъ ему обиденъ поступокъ гр. Панина, который его, старшаго въ Общемъ Собраніи, сдѣлалъ младшимъ. Пусть его произведутъ не въ адмиралы, но въ дѣйств. тайные совѣтники и отдадутъ старшинство: это совершенно его успокоитъ на старости лѣтъ; онъ теперь такъ груститъ, что мы боимся, не переживетъ своего горя“. (И дѣйствительно, онъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этой обиды скончался). „Вы знаете, сказа́лъ Меншиковъ, что батюшка вашъ не состоитъ ни въ чьей командѣ. Сенаторы самостоятельны. Я поговорю однако съ гр. Панинымъ, не согласится ли онъ сдѣлать особое объ немъ представленіе Государю“. И вотъ, когда онъ получилъ Бѣлаго Орла, котораго старикъ не надѣвалъ, потому что не одѣвался до самой кончины въ свой мундиръ.

Пріѣхавъ въ первый разъ въ Петербургъ, я тотчасъ былъ избранъ почти единогласно въ члены Англійскаго клуба, началъ играть въ вистъ по самой высокой тогда въ клубѣ игрѣ: по двадцать пять р. au point.

Обыкновенная моя партія была: Алексѣй Ивановичъ Яковлевъ богачъ, Павелъ Васильевичъ гр. Кутузовъ военный губ., Анд. Ив. Сабуровъ. Въ этой партіи я постоянно игралъ счастливо и въ зиму выигралъ болѣе десяти тысячъ асс. Весною 1842 года возвратился въ Паричи, откуда осенью, по полученіи извѣстія о болѣзни отца, поспѣшилъ въ Петербургъ, но уже пріѣхалъ туда на другой день его похоронъ. Кончина его была тихая, безболѣзненная; онъ все время былъ на ногахъ, въ день кончины пилъ чай за чайнымъ столомъ, къ вечеру легъ въ постель, позвалъ сестеръ и брата Петра, передалъ имъ свое желаніе насчетъ раздѣла, сказалъ, что онъ надѣется, что я ихъ не обижу, что онъ всѣхъ равно любитъ, что оставляетъ намъ немного, потому что трудно было содержать большое семейство, просить насъ жить въ мирѣ и страхѣ Божьемъ, скрестилъ на груди руки и громко началъ читать отходныя молитвы, которыя, послѣ кончины матушки, постоянно были у него въ устахъ. Такимъ образомъ спокойно и тихо отошелъ въ лучшій міръ, оставивъ послѣ себя честное, ничѣмъ не запятнанное имя.

Тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ я началъ думать о раздѣлѣ. Братъ Ник. Ив. былъ по порученію министра въ Сибири, почему раздѣлъ не могъ тотчасъ совершиться. Я могъ только привести въ извѣстность долги и цѣнность оставшагося имущества. За вычетомъ долговъ, оно состояло изъ 150 т.; каждому изъ насъ приходилось получить по 15 т., если продать имѣніе по сдѣланной мною разцѣнкѣ. Сестры (которыхъ было тогда шесть) пожелали оставить свои части у меня и, пока я не устроюсь, получать ежегодно то, что я въ состояніи буду имъ давать. Въ отдѣлъ братьямъ, Николаю и Петру, я назначилъ Осташевское имѣніе, 100 душъ, оцѣненное въ 10 т. и приплатить 5 т. и дачу подъ Петербургомъ, оцѣненную въ 17 т. Сестрамъ на первое время до приведенія въ порядокъ общаго нашего имущества назначилъ по 800 р. въ годъ. Домъ предположилъ сломать и выстроить новые. Планъ постройки мнѣ составилъ архитекторъ Гейденрейхъ, рекомендованный Петромъ Николаевичемъ Яхонтовымъ. Кромѣ его приглашенъ мною архитекторъ Рунко для главнаго наблюденія за малоопытнымъ, хотя и искуснымъ Гейденрейхомъ. Чтобы приступить къ работамъ съ ранней весны 1843 года, я занялъ у Евг. Ос. Дашковой 10 т. р. за 10% и съ осени 1842 года заготовилъ плиту и известь для фундамента. За сломку домовъ и вывозку мусора подрядилъ за 15 т. По ходатайству зятя Набокова высочайше разрѣшено изъ Заемнаго Банка мнѣ выдавать ссуды по мѣрѣ возведенія построекъ. Съ весны 1843 г. я началъ ломать домъ на Конюшенной, сестеръ изъ него перевелъ на Мойку. Къ осени домъ на Конюшенной былъ выстроенъ вчернѣ помощью займовъ частныхъ. Подъ залогъ этого дома разрѣшено мнѣ выдать изъ

банка 40 т.: на эти деньги я въ 1844 отдѣлалъ домъ, и къ осени онъ уже былъ весь занятъ жильцами. Въ 1845 году выстроены все надворныя стройки, а въ 1846 году окончательно перестроенъ домъ на Мойкѣ, такъ что къ осени того же года оба дома приведены въ порядокъ и мнѣ сдѣлалось извѣстно, сколько они могутъ принести дохода.

Оказалось, что съ трудомъ выплачиваются проценты за 180 т. займа въ банкѣ, сдѣланнаго мною по мѣрѣ постройки, не говоря уже о частномъ долгѣ. Нужно было придумать, какъ выпутаться изъ такой бѣды. Горю этому помогъ Степанъ Дмитриевичъ Воронинъ. Тутъ надо сказать, въ какихъ отношеніяхъ я былъ съ Воронинымъ. Когда я еще служилъ по особымъ порученіямъ у Псковскаго губернатора и занимался разсмотрѣніемъ уголовныхъ дѣлъ, поступавшихъ изъ Палаты на ревизію губернатора, пришелъ ко мнѣ въ одно прекрасное утро откупщикъ г. Пскова мѣщанинъ Воронинъ и просилъ меня направить одно уголовное дѣло, поступившее ко мнѣ на ревизію въ пользу Псковскаго откупа, разумѣется доказывая всеми возможными доводами свою правоту. Я ему сказалъ, указывая на кипу дѣлъ, что я его еще не разсматривалъ, но когда дойдетъ до него очередь, то буду имѣть въ виду все имъ мнѣ переданное. Воронинъ благодарилъ меня и, уходя, просилъ принять отъ него запечатанный конвертъ. „Догадываюсь что въ этомъ конвертѣ деньги, сказалъ я, но прошу его взять назадъ: знаю, что на моемъ мѣстѣ другой бы его принялъ, но я не такъ воспитанъ, чтобы брать деньги, мнѣ не принадлежація или продавать свое правосудіе“. Замѣтивъ, что Воронинъ сконфузился, я прибавилъ: „Прошу васъ не думать, чтобы это обстоятельство имѣло какое либо вліяніе на ваше дѣло; я буду дѣло разсматривать безъ всякаго предубѣжденія и все, что отъ меня будетъ зависеть, сдѣлаю въ пользу правой стороны; если эта сторона ваша, то вы дѣло выиграете“. И точно, нужна была натяжка въ пользу откупа, и я ее употребилъ для того только, чтобы Воронинъ не подумалъ, что предложеніе взятки имѣло вліяніе на мое рѣшеніе. Потомъ Воронинъ говорилъ мнѣ, что онъ сконфузился отъ моего поступка потому, что ему въ первый разъ пришлось встрѣтить человѣка, который отказывается отъ даровыхъ денегъ.

Этотъ случай сдѣлалъ то, что когда при постройкѣ дома мнѣ крайне нужно было занять 15 т. р., то Воронинъ съ полною готовностью меня ими одолжилъ. Постройка моя часто облегчалась деньгами, что я получалъ отъ Лярскаго, постройкой дома котораго я занимался въ одно время со своимъ. Всякую Субботу я рассчитывался съ подрядчиками, и случилось однажды въ лѣтнюю пору, когда никого изъ мнѣ знакомыхъ денежныхъ людей не было въ Петербургѣ, у меня къ Субботѣ не оказалось ни гроша для расчета съ подрядчиками

моими и Лярскаго; сверхъ того у меня были дѣла Огарева по его литейному заводу и слѣдовало получить деньги изъ департамента желѣзныхъ дорогъ, но и тамъ приходилось еще нѣсколько времени ихъ ожидать. Я долго придумывалъ, гдѣ бы перехватить на время, хотя короткое, 15 т. и вспомнилъ, что Фелейзенъ управляетъ дѣлами банкира Штиглица, что я былъ друженъ съ его братомъ на Кавказѣ. Дай, думаю, попытаюсь попросить денегъ въ конторѣ Штиглица. Приѣзжаю, рекомендую Фелейзену, который говоритъ, что давно знаетъ меня черезъ брата. Не долго разговаривая, я приступилъ прямо къ дѣлу. „Извините, говорю, что адресуюсь къ вамъ съ нескромною просьбою; меня необходимость заставляетъ просить васъ одолжить мнѣ на честное слово 15 т. р. на самое короткое время, котораго въ точности опредѣлить не могу, это зависитъ отъ департамента желѣзныхъ дорогъ, откуда я долженъ получить 30 т. р.“ — „Съ удовольствіемъ, отвѣчаетъ Фелейзенъ; есть у васъ какой либо залогъ?“ — „Въ томъ то и дѣло, что залога нѣтъ никакого, иначе я не адресовался бы къ вамъ и не просилъ бы вѣрить моей чести“. — „Извините, сказалъ Фелейзенъ, подождите немного, я пойду наверхъ и спрошу у барона“. Возвратившись, онъ далъ мнѣ записку получить отъ казначея 15 т. Я сосчиталъ деньги и поблагодарилъ Фелейзена; хочу ѣхать. Тогда онъ мнѣ сказалъ: „А вы не хотите зайти наверхъ къ барону?“ — „Покорно благодарю, что вы меня надоумили: я считалъ себя обязаннымъ вами, но совершенно готовъ поблагодарить и барона“. — „Тѣмъ болѣе, замѣтилъ Фелейзенъ, что такого рода выдачъ не дѣлалъ, а можетъ никогда не сдѣлаетъ ни одинъ банкирскій домъ. Это вы можете принять только на счетъ вашей всѣмъ извѣстной безукоризненной честности“. Баронъ сказалъ, что онъ очень радъ, что могъ мнѣ услужить такой бездѣлицей, и я, забравъ деньги, въ полномъ удовольствіи отъ успѣха и комплимента Фелейзена приѣхалъ удовлетворять ожидавшихъ меня моихъ кровопійцевъ.

Пора возвратиться къ тому обстоятельству, какъ Воронинъ помогъ мнѣ выпутаться временно изъ бѣды. Казеннаго банковаго долга, какъ я сказалъ, у меня было 180 т., за который долгъ ежегодно долженъ былъ платить процентовъ съ погашеніемъ 10.800 руб.: почти весь доходъ съ дома шелъ на уплату этихъ процентовъ и сестрамъ; затѣмъ мнѣ не изъ чего было дѣлать уплаты по частнымъ займамъ, которыхъ накопилось столько же. Я придумалъ взять свидѣтельство на домъ и отдавать его въ залоги Воронину, который мнѣ за свидѣтельство будетъ платить по 6⁰/₀, а я ему за тѣ деньги, что онъ внесетъ за меня въ уплату банковаго долга, буду платить по 10⁰/₀ въ годъ, все время, что онъ будетъ употреблять по подрядамъ мое свидѣтельство. Воронинъ на

это согласился, заплатилъ за меня въ банкъ оставшійся тогда за уплатами капитальный долгъ въ 160 т. Я взялъ свидѣтельство въ 280 т. на домъ, за которое Воронинъ мнѣ долженъ былъ платить 16.800 р. по 6⁰/₀, а я ему за 160 т. 16 т. по 10⁰/₀. Такимъ образомъ вмѣсто ежегодной уплаты въ банкъ 10.800 руб. я сталъ ежегодно получать отъ Воронина 800 р. и все доходы съ дома у меня оставались на уплату остальныхъ долговъ и на погашеніе по возможности долга Воронину, который мнѣ, хотя и стоилъ дороже другихъ долговъ, но зато далъ мнѣ возможность очистить домъ отъ долга и получить свидѣтельство, которое мнѣ ежегодно прибавляло дохода 16.800 руб.

Государь Николай Павловичъ собралъ всехъ кирпичныхъ заводчиковъ въ Михайловской замкъ, далъ имъ образецъ кирпича и приказалъ закрыть тотъ заводъ, который будетъ дѣлать кирпичъ не по образцу. Тотчасъ цѣна кирпича непомѣрно возвысилась. Еслибъ я былъ въ Петербургѣ, то остановилъ бы постройку, но безъ меня ее продолжали, а меня объ этомъ не увѣдомили, потому что я просилъ ничего мнѣ о дѣлахъ не писать. Къ тому же управляющій, рекомендованный Гулевичемъ, оказался величайшій плутъ.

Послѣ того, какъ мнѣ удалось такъ устроиться, я вздохнулъ свободнѣе, получивъ возможность аккуратно уплачивать проценты по разнымъ обязательствамъ. Наступило время, когда Воронинъ прекращалъ свои коммерческія и откупныя дѣла и желалъ возвратитъ мнѣ свидѣтельство, а деньги свои получить обратно. По устройству дома безъ помѣщенія для дровъ я долженъ былъ снабжать жильцовъ дровами: операція, которая меня разоряла.

Случайно познакомился я съ архитекторомъ Фонтаномъ, который взялся за 50 т. выстроить на одномъ изъ дворовъ поперечный 4 этажный флигель и такимъ образомъ одинъ изъ внутреннихъ дворовъ раздѣлить на два двора, и въ одномъ изъ этихъ дворовъ устроить помѣщеніе для дровъ на каждый номеръ квартиры. Я рѣшился поручить ему эту работу, познакомившись съ жившимъ въ домѣ купцомъ Утинымъ, который соглашался на условія Воронинскихъ взять у меня свидѣтельство и выплатитъ Воронину оставшійся мой долгъ, сверхъ того снабдилъ меня нужными деньгами для постройки, обѣщаясь купить у меня домъ, когда постройка будетъ кончена и извѣстно будетъ что приноситъ доходу домъ безъ дровъ. Въ 1859 году постройка осенью поступила въ наемъ, и домъ весь безъ дровъ приносилъ тотъ же доходъ что съ дровами, которыя мнѣ стоили въ годъ болѣе 6 т. Новая постройка меня выручила, и на концѣ новаго 1860 года я его продалъ Утину за 438 т., съ его купчей. На радости, за расчетомъ долговъ, исчислилъ я каждой сестрѣ въ раздѣлъ по 38.500, а имѣніе, оцѣненное въ

120 т., оставилъ за собою съ долгомъ 81.500 руб. и думалъ тогда, что устроилъ свои дѣла не хуже сестриныхъ, полагая, что, получая до 10 т. съ Паричъ, безъ затрудненія развяжусь съ долгами. И дѣйствительно, въ два года до введенія въ дѣйствіе Положенія о крестьянахъ, я уплатилъ капитала 11.500 и составилъ себѣ запасный капиталъ въ нѣсколько тысячъ руб., чтобъ быть готову на всякое востребованіе уплаты. Но крестьянская реформа, инструкція повѣрочной комиссіи, наконецъ дѣйствія самой комиссіи уничтожили всѣ расчеты веденія хозяйства, поглощали всѣ доходы и вмѣсто прибыли выходилъ убытокъ, такъ что къ 1866 году *) у меня не осталось ни копѣйки изъ сдѣланнаго запаса денежнаго. Давно, еще вскорѣ послѣ полученной раны въ 1828 году въ грудь, я былъ въ тоже время раненъ въ икру лѣвой ноги и не зналъ объ этой ранѣ, пока не всталъ съ постели, нѣсколько мѣсяцевъ послѣ раны; тогда я замѣтилъ струпъ на икрѣ, совершенно подсохшій, который скоро отвалился, но у меня тогда же сдѣлалось расширение жилъ на этой ногѣ, а съ 1836 года открылась рана, которая, десять лѣтъ перемѣняя мѣсто, не закрывалась. Вся нога исковеркана какъ послѣ оспы.

Въ 1847 г. я рѣшился ѣхать за границу, попытать изцѣленія, на которое мало надѣялся. Мы изъ Петербурга съ Магіе поѣхали на парадъ Пруссомъ въ компаніи съ Медемами и Дараганомъ. Въ Берлинѣ, послѣ того какъ оставили желѣзную дорогу и пересѣли въ экипажъ, мнѣ сдѣлалось дурно. Съ трудомъ нашли, гдѣ помѣститься, потому что тогда въ Берлинѣ собраны были депутаты со всего края. Найдя наконецъ комнату въ Reinnischhoff, по указанію madame Цеймернъ (рожд. Ставицкой), которая охотно взялась, не зная насъ, помогать Магіе въ ея тревогѣ на счетъ меня, мы пригласили Берлинскую знаменитость Ромберга. Посмотрѣвъ мою ногу, онъ сказалъ: „у насъ есть спеціальная для вашей болѣзни воды, поѣзжайте въ Киссингенъ, и вы въ шесть недѣль совершенно получите изцѣленіе“. Это было сказано съ такимъ авторитетомъ, что я, не смотря на то, что у меня тогда было нѣсколько злокачественныхъ ранъ, отъ которыхъ пахло мертвечиной, отправился полный надежды въ Киссингенъ.

Въ Киссингенѣ я нашелъ множество знакомыхъ. Тамъ Василій Дмитриевичъ Олсуфьевъ представилъ меня Наслѣднику, который съ супругою былъ на водахъ. Великій Князь Александръ Николаевичъ на первомъ же представленіи у источника меня обласкалъ и постоянно во все время пребыванія на водахъ былъ какъ нельзя болѣе внимате-

*) Слѣдовательно Записки написаны, когда М. И. Пущинъ былъ комендантомъ Бобруйской крѣпости. П. Б.

лень, нѣсколько разъ приглашалъ къ своему столу. Въ Киссингенѣ я проводилъ время у Карамзиныхъ, Пуциныхъ, Н. Н. Сабурова, Есакова, Адлерберга, кн. Горчакова, вездѣ много и счастливо игралъ въ карты, былъ въ выигрышѣ нѣсколько тысячъ и, спустивши много въ рулетку, остался въ чистыхъ барышахъ 2 т. р. с. Въ половинѣ Августа выѣхали мы изъ Киссингена, гдѣ я совершенно излѣчился послѣ такихъ долгихъ страданій. Изъ Франкфурта ѣздили въ Гейдельбергъ къ Пуцинымъ и въ Офенбахъ, гдѣ я неудачно купилъ коляску, чтобъ возвращаться сухимъ путемъ изъ за границы, но возвратился моремъ и за коляску платилъ по желѣзной дорогѣ и на пароходѣ, проѣхавъ въ ней только изъ Франкфурта въ Эрфуртъ; кромѣ того въ Петербургѣ за привезенную коляску на пароходѣ, хотя старую, подержанную, заплатилъ сто руб. пошлины. Въ Гейдельбергѣ докторъ Гуниусъ, тогдашняя знаменитость, совѣтовалъ мнѣ окончить свое леченіе купаньемъ въ морѣ въ Ostende.

1848 г. я не выѣзжалъ изъ Петербурга, занимался окончательной постройкой домовъ и бралъ свидѣтельство на домъ, для залоговъ Воронину по откупамъ. Въ самое жаркое время лѣтомъ, во время холеры, сильно свирѣпствовавшей въ Петербургѣ, я учился переплетать. Переплетчикъ Берманъ приходилъ со мною этимъ заниматься и получалъ отъ меня рубль за каждую книгу вмѣстѣ съ нимъ переплетенную. Наука эта, не совершенно мною усвоенная, кажется, стоила мнѣ сто рублей за сто книгъ переплетенныхъ съ Берманомъ, и инструментъ стоилъ съ матеріалами для переплета рублей триста.

До восшествія на престолъ Александра Николаевича никакой перемены не было въ участи моей. Николай Павловичъ постоянно держалъ меня въ черномъ тѣлѣ, и я самъ, послѣ того какъ онъ отвергъ мое желаніе участвовать въ Польской кампаніи, не дѣлалъ никакихъ попытокъ вновь поступить. Въ 1831 г. принятъ я въ гражданскую службу безъ выслуженныхъ преимуществъ, чиномъ коллежскаго секретаря, и не велѣно меня производить ни за отличіе ни за выслугу, вслѣдствіе чего я оставилъ службу въ 1834 году.

Императоръ Александръ Николаевичъ, знавшій М. И. Пущина еще будучи Великимъ Княземъ, снова встрѣтилъ его на тѣхъ же Киссенскихъ водахъ въ 1837 году и отнесся къ нему благосклонно. Въ 1857 году этотъ доблестный воинъ и отличный чело-вѣкъ получилъ должность коменданта въ Бобруйскѣ (по сосѣдству съ Паричами). Онъ скончался 25 Мая 1860 года, 70-ти лѣтъ отъ роду. П. Б.

